

18+

Галина Грановская



и нет тебя дороже

Галина Грановская

И нет тебя дорожке

«Издательские решения»

Грановская Г.

И нет тебя дороже / Г. Грановская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851902-4

Четвёртый курс филологического факультета. Вероника, Лариса и Лиза живут обычной студенческой жизнью — ходят на лекции, сдают экзамены, бегают на свидания и, конечно же, каждая из них в поисках настоящей любви. Но вот в город возвращается старый знакомый Вероники, и встреча с ним — начало драматической истории, в которую оказались вовлечены не только три главных героини романа, а и многие другие...

ISBN 978-5-44-851902-4

© Грановская Г.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	62

И нет тебя дороже

Галина Грановская

© Галина Грановская, 2018

ISBN 978-5-4485-1902-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

1

Утреннее солнце пробивалось сквозь верхушки каштанов, и совсем по-летнему заливало кухню светом и теплом. Орудя деревянной ложкой, Вероника готовила себе омлет и перебирала в уме подробности вчерашнего вечера. Лёня, как всегда, был на высоте. Он умел быть очень нежным, очень внимательным. Он и внешне – само спокойствие и интеллигентность. Когда они только познакомились, она долго поверить не могла, что такое бывает не в кино, а в жизни. Тем более, в ее жизни. Едва голову не потеряла. Что было очень странно, поскольку раньше Веронике как-то не случалось влюбляться. Наверное, от того, что такие парни ей раньше просто не попадались. Красивый молодой доктор из хорошей семьи, в которой все, так или иначе, связаны с медициной. Мама у него терапевт, папа – хирург, мамина мама – окулист, какой-то из дедушек – стоматолог. Полный комплект, шутит Лёня, можно открывать собственную клинику. Все это, вместе взятое, так вскружило Веронике голову, что первое время она даже, – мысленно, разумеется, – примеряла себя на роль Лёниной жены. Представляла, как будет, не таясь, забежать на минутку в его кабинет во время приема в поликлинике (только по делу, естественно, и естественно, не тогда, когда больной стоит перед доктором без штанов). Как, не опасаясь любопытных глаз, будет сидеть в ординаторской во время какого-нибудь ночного дежурства в больнице. Впрочем, состояние влюбленности длилось недолго, волшебная пелена быстро спала с глаз. И совсем не потому, что Лёня дал понять, что он не собирается разводиться со своей гинекологиней. Просто до нее вдруг дошло, что все Лёнины достоинства обернутся крупными недостатками в жизни семейной. Ее просто-напросто не будет. Поскольку дома Лёня только ночует, да и то не всегда. Целыми днями, а часто и ночами, на работе, в больнице или в поликлинике, где полно молоденьких и хорошеньких докториц, медсестер и санитарок. И среди пациенток попадаются такие, которые не прочь узнать симпатичного доктора поближе. Она сама, между прочим, разве не так с ним познакомилась? Прошлой зимой у нее постоянно ныла поясница, и участковая дала направление проверить почки. Вероника и пошла на обследование. Лёня обследовал её самым внимательным образом, велел сдать анализы и снова зайти. И вот они уже полтора года встречаются. В условиях исключительной конспирации. Иногда у его друга на квартире, иногда едут на дачу этого же друга. В последнее время стали встречаться даже в больнице – во время Лёниных ночных дежурств, благо их у него много. В одном крыле здания больницы начался ремонт, днем там рабочие, а ночью пусто. Лёня раздобыл ключи и в половине девятого уже поджидает ее в холле. Поднимаются на пятый этаж. Если в лифт заходит кто-то еще, Лёня делает вид, что знать ее не знает. У него всегда все продумано до мелочей. И время рассчитано до минуты. Без пятнадцати одиннадцать они уже спускаются вниз. Лёня на свой этаж, а Вероника в вестибюль, где, глядя в окно, ждет, когда подъедет, вызванное Лёней по телефону, такси. Эта его суперорганизованность тоже наводит иногда на мысль, что, возможно, в маленькую ординаторскую в пустом крыле он водит не только ее. Хотя Лёня и уверяет, что она настолько вне конкуренции, что он даже с женой не спит, после того, как с ней познакомился. Только верится в это плохо. Хотя и такое возможно. Только не из-за того, что Вероника у него на главном месте, а потому что Лёнина жена, помимо работы в поликлинике, лекции в мединституте читает, и на вечерних курсах для абитуриентов что-то там преподает, и домой возвращается, по его выражению, в полном изнеможении. Неудивительно, что на все остальное у нее уже сил не остается. А может быть, и у нее есть какой-нибудь друг. Женатый. Или не женатый, какая разница...

Есть еще одна причина, по которой Лёня не подходит на роль мужа. Несмотря на то, что врач он хороший – если судить по постоянной очереди у дверей его кабинета, – зарплата

у него все-таки оставляет желать лучшего. Живет он со своей гинекологиней в двушке, далеко от центра, и машина у него старая. А что пишет Сара Кей в своей книге «Современный брак – брак по расчету»? Если уж продавать себя, свою молодость и красоту в семейное рабство, то только за хорошие деньги. Разумеется, не все можно принимать всерьез в такого рода книжках, но именно с этим утверждением Вероника согласна на все сто. Жизнь одна. И тратить ее на пленки-клеенки и обслуживание мужа, чей заработок едва покрывает самые необходимые расходы, она не станет. С внешними данными Веронике – чего скромничать! – повезло, не то, что Лёниной жене, например. Видела ее как-то Вероника, около поликлиники с Лёней стояла. Пусть она и умная, и врач, и все такое прочее, только внешность у нее, как ни крути, лошадиная. Здоровая, под метр восемьдесят. Зубы длинные и так вперед выпирают, что ни один дантист не исправит. Подобные ей всегда выбирают больше мужские профессии, чтобы работать среди мужиков, глядишь, там что-нибудь и им, страшилкам, обломится. Ей вот Лёня обломился, ординатуру в одной больнице проходили.

Телефонная трель была неожиданной и резкой. В такую рань звонить могла лишь какая-нибудь клиентка матери, вот пусть она трубку и берет. Но Вероника ошиблась.

– Тебя! – крикнула мать из коридора, и Вероника, убавив огонь, пошлепала босыми ногами по разогретым солнцем бело-голубым квадратам линолеума, недоумевая, кто бы это мог быть? Лёня на домашний телефон не звонил никогда. Он вообще ей почти не звонил. Может быть, Полина Петухова? Но с чего вдруг в такую рань?

– Привет, – раздался голос. – Это я. Узнала?

По телу пробежал озноб, ей вдруг стало холодно. Спокойные утренние мысли мгновенно смыло волной страха, которая отбросила ее на несколько лет назад, в ту, другую жизнь, о которой хотелось забыть, и забыть навсегда. Она и забыла почти. Сердце замерло, а потом забилося как рыбка, вытасченная сачком из воды.

– Руслан? – едва выдавила из себя, наконец, больше всего на свете желая сейчас ошибиться.

– Не слышу радости в голосе.

В его голосе радость просто клокотала. Еще бы – опять на свободе.

– Ты где? – спросила, чтобы не молчать.

Он засмеялся.

– Пока далеко, но скоро свидимся. Сделаю в столице кое-какие дела, сразу прилечу.

Какие дела могут быть у него в столице, если сидел он в тьмутараканской колонии? Пока далеко, но скоро... Мысли начали путаться.

– Перезвоню, когда билет куплю. Встречать-то придется? – тот же агрессивный напор, за которым таится угроза.

Нужно было что-то отвечать. Сказать – нет, не приду, невозможно. Ему нельзя сказать «нет». Сказать «да» язык не поворачивался. Потому что встречать она его не пойдет, это однозначно. Хотя встречи все равно не избежать, к ее великому несчастью, живут они в одном дворе.

– Чего молчишь? – повысил голос. – Встречать придется, спрашиваю?

Ах, как подмывало ее выпалить: и не надейся! И встречать не приду, и никогда, ни за что, ни за какие коврижки не вернусь к тому, что было. Но не сказала. Наученная горьким опытом, лихорадочно искала другие слова, – в разговоре с Русланом нужно быть крайне осторожной. Сказать правду означало нарваться на крупные неприятности. Даже страшно подумать, на какие.

Но есть же выход, должен быть, должен быть...

– Просто не знаю, как тебе и сказать, – тихо начала она и не закончила. Мимо прошла в ванную мать. Вероника подождала, пока та закроет дверь и включит воду.

– Прямо говори, – в голосе Руслана напряжение и едва уловимая угроза. – У тебя что, кто-то появился?

– Как тебе объяснить... – она лихорадочно перебирала в уме варианты ответа.

– Прямо говори! – Теперь угроза неприкрытая.

– Извини, – выдохнула Вероника, прислушиваясь к шуму воды в ванной. – Извини, если что не так, но... Я... выхожу замуж. То есть, можно сказать, уже вышла, – от отчаяния, наверное, ее понесло. – Мы уже живем вместе. Просто свадьбу оставили на потом, когда муж немного подзаработает. – Молчание на том конце. Только сопение, только тяжелое дыхание слышно. Бросить бы трубку. Но она не посмела. – Сам понимаешь, я не могла ждать столько времени, столько лет... ну, так уж получилось.

– Кто такой? – разродился, наконец, вопросом.

В самом деле, кем может быть ее «муж»? Не скажешь же, доктор или бизнесмен. Руслан дотошный, сразу же спросит, где работает. И, приехав, первым делом все выяснит.

– Студент.

Обжигающий смехок.

– Сту-удент?! Хочешь, чтобы я поверил, что ты связалась с нищим студентом? Ты, Верка, мне лучше не ври. Тогда я, может, и прощу, что не писала мне и ни разу не приехала. И любовников, черт тебя побери, тоже прощу. Небось, многих через себя пропустила? Хорошо погуляла?

У Вероники перехватило дыхание.

– Я говорю правду, – медленно произнесла она тихим голосом, ненавидя не только его, но и себя, за то, что оправдывается. – Я тут не гуляла. Я... я в университет поступила, в этом году уже на четвертом курсе... время зря не теряла.

Напрасно она про время. Прозвучало как намек на то, что он эти годы потерял. Хотя так и есть, тюрьма только для бандита или вора карьера. Впрочем, он и есть бандит, торговец наркотой.

– В университет? – переспросил и примолк.

Переваривает. Ага, растерялся. Теперь главное, самой не теряться. Она многому научилась у него же. И знает, что сейчас самое время идти в наступление, не мямлить, говорить твердо и уверенно. Если почувствует слабость – все, кончена ее жизнь.

– Мы учимся вместе.

Молчишь? Молчи-молчи. Она уже не та малолетняя запуганная дура, какую ты, отправляясь на нары, оставил во дворе дома несколько лет назад.

– Так получилось, – повторила. – Это жизнь. Извини, мне пора, на лекции тороплюсь. До свидания.

И пока он снова не взъярился, осторожно опустила трубку на рычаг.

Сердце продолжало колотиться. Не в силах сделать и шага, она еще какое-то время стояла у телефона, молясь, чтобы он не перезвонил. А потом осторожно прошла на кухню.

– Фу, дыма сколько! – из ванной с мокрой головой и феном в руке выглянула мать.

– Омлет подгорел, – тихо ответила Вероника, соскребая со сковородки обгоревшие куски и выбрасывая их мусорное ведро.

– Следить за сковородой надо, а не по телефону болтать, – рассердилась мать. – Кто звонил?

– Да так... однокурсник один, – пробормотала Вероника.

Как на автопилоте подогрела чайник и налила в чашку кипятку. Протянула руку к полке над столом за коробкой с чаем, но, так и не достав оттуда пакетика, вдруг опустилась тяжело на табурет и невидящим взглядом уставилась в стол.

Когда снова подняла глаза, мать стояла в дверях, как всегда, с иголки одетая, накрашенная, готовая идти на работу.

– На занятия не опоздаешь? Скоро восемь.

– Иду, – поднялась Вероника.

Всю дорогу, в троллейбусе и по пути на факультет, она обдумывала создавшуюся ситуацию. Возвращается, козел. Нет, чтобы остаться навсегда там, где он есть – за горизонтом ее жизни. Опять начнет приставать. И все пойдет как раньше. Она содрогнулась, вспомнив, что было с ней несколько лет назад.

Ей было пятнадцать, когда она впервые увидела Руслана. Она хорошо помнила тот апрельский день. Даже день недели помнила, было воскресенье. Дома было скучно, и, углядев в окно знакомых девчонок, Вероника спустилась к ним во двор. Сидя на лавочке под кустами сирени, на которых уже проклюнулись первые зеленые листочки, они болтали о том, о сем, когда во двор въехала машина и остановилась у одного из подъездов дома напротив. Грузчики стали выгружать мебель, чемоданы и ящики. Командовал ими длинный белобрысый паренек. Девчонки тихо хихикали, отпуская замечания по поводу его невзрачной внешности. (Знала бы она тогда, над кем подшучивала!). Из окна первого этажа почти безучастно наблюдала за разгрузкой худая женщина в вязаной шапочке, с толстым пуховым платком на плечах. Как оказалось, мать Руслана. Позже выяснилось, что у нее туберкулез, и врачи посоветовали поменять север на юг, вот они и переехали. Только его мать это уже не спасло, умерла той же весной.

А уже к концу лета дома у Руслана образовалось что-то вроде клуба, где собиралась молодежь не только из их двора. Он на удивление быстро обзавелся друзьями и приятелями в новом городе. Из окон его двухкомнатной квартиры постоянно слышалась музыка, хохот, доносились запах жареной картошки с луком. Наверное, там было очень весело. Случалось, уже темнело, соседские девчонки разбегались по домам, а Вероника все сидела у своего подъезда, заворочено глядя через двор на сияющие окна, за которыми всегда был праздник. Ей тоже хотелось праздника. Хотелось вырваться из своего серого унылого существования в другую, яркую жизнь.

Желание ее исполнилось и очень скоро. Тем же летом она попала в их развеселую компанию.

Знала бы тогда, чем это кончится – десятой дорогой обходила бы и Руслана и его квартиру. Но тогда ей страшно польстило, когда однажды эти, как ей казалось, взрослые ребята вдруг обратили на нее, девчонку, внимание. Жарким августовским вечером сидеть дома, в душной квартире, за день прокаленной беспощадным солнцем, было неважно. Позвонила Наташка, с которой они учились в параллельных классах, и предложила сходить в парк. Но у Вероники не было денег даже на троллейбус, не то что на какие-то аттракционы и мороженое, а потому дело кончилось тем, что они с Наташкой уселись на лавочку во дворе и начали лениво перемывать косточки одноклассникам и знакомым. Уже порядком стемнело, когда во дворе появился Руслан в сопровождении друзей. Прежде чем отправиться в его квартиру, компания решила перекурить. Они заняли соседнюю скамейку под кустами пыльной сирени, но места всем не хватило, и парень в пестрой майке, оглядевшись, направился к той, на которой сидели Вероника с Наташкой.

– Не помешаю? – спросил, доставая сигареты. – Можно присесть?

– Пожалуйста, – торопливо кивнула Наташка, отодвигаясь.

Парень плюхнулся рядом с ними и закурил.

– Дышим? – поинтересовался, бросив в их сторону быстрый косой взгляд.

– Ага, – кивнула Вероника.

Бросив на нее еще один взгляд, он протянул пачку.

– Может, сигаретку?

– Можно, – сказала басом Наташка.

Вероника покачала головой.

– Я не буду. Жарко, – произнесла, стесняясь признаться, что не курит.

– Эй, Федька, ты чего к моим соседкам прицепился? – раздался пьяноватый голос Руслана.

– Так это твои соседки? – оживился рыжий. – Чего же ты их никогда не приглашаешь?

– Рано им еще.

Наташка маленькая и тощая, но Вероника в свои пятнадцать совсем не выглядела малолеткой, она это знала. И Федьке, видимо, так не казалось. Тем не менее, на всякий случай он поинтересовался:

– Сколько тебе лет, детка?

Увидев, куда направлен его взгляд, она залилась краской и, незаметно ткнув Натку локтем в бок, чтобы молчала, храбро соврала:

– Семнадцать.

– Ну, так для пива в самый раз! – кивнул. – Пиво пьете?

– Смотря какое, – солидно сказала Наташка. Она в этом разбиралась, поскольку ее папаня-строитель пил пиво ведрами, считая, что оно вымывает из организма цементную пыль. – Местного разлива точно не пьем.

– Ух, ты, – восхитился рыжий. – Они еще и в пиве разбираются. Ну пошли, продегустируете то, что мы купили.

– Федька, – предостерегающе произнесла одна из девчонок. – Тебе же ясно сказали, рано им еще гулять.

Понятное дело, не хотела, чтобы Вероника с Наткой влились в их теплую компашку.

– Не жадничай, Ольга, – отмахнулся Федька. – Мало будет, еще смотаемся, принесем. Тем более, что ты у нас ведь не по пиву спец?

После этих слов вся компания как-то нехорошо засмеялась.

– Идем, девчонки, – распорядился Федька, поднимаясь. – Чего тут скучать?

Поднялась со скамейки и вся их компания. Вероника хотелось пойти с ними, но она все еще не верила, что их с Наташкой действительно приглашают.

– А родители? – ехидно поинтересовалась Ольга. – Против не будут?

Наташка оглянулась на свои окна и поежилась. Отец у нее был строгий.

– Как-нибудь в другой раз, – вздохнула. – Вон, мамка уже в окне маячит. Идем? – повернулась к Веронике.

– Жарко у нас. Я еще немного посижу, – сказала та. Очень не хотелось уходить.

– Ладно, пока, – снова вздохнула Наташка, – я побежала.

– Твои тоже в десять в кроватку укладываться велят? – насмешливо щурясь, спросил Федька.

– На работе, – сердито ответила она. – В ночную смену, – добавила, отвернувшись, чтобы никто не заметил ее покрасневшего лица.

Не хотела объяснять, что отца у нее нет, а мать ложится спать рано и понятия не имеет о том, что Вероника иногда уходит на улицу уже после того, как она засыпает. И хотя она любит Веронике выговаривать за то или за это, Вероника знает, что по настоящему ей пополам, где и с кем гуляет ее дочь.

Заходя в подъезд Руслана, Вероника все же, как и Наташка, оглянулась на свои окна. Так, на всякий случай. Матери в них не увидела, но у подъезда гуляла со своим мопсом соседка с пятого этажа, которая, как показалось Веронике, неодобрительно покачала головой. Впрочем, это вполне могло и просто привидеться, уже темнело.

В тот вечер Вероника впервые в жизни узнала, каково это – быть пьяной. Конечно, и до этого ей случалось пробовать спиртное, но обычно это было вино или пиво. Приглашали подруги на день рождения, мальчишки тайком проносили что-то на школьные праздники. Но чтобы после банки пива выпить еще и стакан водки – такого с ней не случалось. Ее вырвало

прямо за столом. Потом рвало в туалете. Она не помнила, как оказалась в другой комнате и как уснула, не помнила. Посреди ночи проснулась от того, что кто-то ощупывал ее, стягивал с нее шорты. Майки на ней уже не было. В ужасе она пыталась сбросить с себя тяжелое грубое тело, но это ей никак не удавалось. Чья-то ладонь зажала ей рот. «Тише, не ори, не убивают!» По голосу узнала Руслана. Как ей показалось, он мучил ее не меньше часа. Потом, отвалившись в сторону, произнес сонным голосом: поздно уже, вали домой, пока искать не начали. Трясущими руками она кое-как натянула на себя одежду. Ее тошнило, раскалывалась голова, болела каждая клеточка тела. В другой комнате на диване спал Федька в обнимку с Ольгой, а на полу, на матрасе в углу храпел еще кто-то. Вероника, спотыкаясь о разбросанные по полу вещи, кое-как добралась до входной двери. Когда вышла из подъезда, начинало светать, и в каждом окне всех четырех пятиэтажек, составляющих двор, ей мерещились любопытные лица. Опустив голову, она быстро пересекла двор. Осторожно, чтобы не разбудить мать, открыла дверь квартиры и на цыпочках прошмыгнула в свою комнату. На следующий день у нее все также болела голова, она чувствовала себя полностью разбитой. А уж что творилось в душе, об этом лучше и не вспоминать. Она ничего не сказала Наташке и целую неделю не выходила из дому, боясь попасться Руслану на глаза. Даже к окну боялась подходить. Случившееся наполняло ее отвращением и к «этому» и к самому Руслану.

Но прошла неделя-другая, она стала успокаиваться и снова начала наблюдать сквозь тюлевые шторы за окнами квартиры в доме напротив. Обычно на лето мать отправляла ее к бабушке в деревню, но уже два года как бабушка умерла, ее домик был продан, и Вероника все лето парилась в городе, сидела дома, томясь от скуки, не зная, чем заняться. А теперь вот еще и тряслась от страха, боясь встретить Руслана.

Нет, после той ночи Руслан не сразу предъявил права на ее тело и на ее жизнь. Возможно, вначале он просто не придавал значения происшедшему, девиц, шмыгающих ближе к ночи в его подъезд, хватало. Веронике стало казаться, что он уже позабыл о ней, стала понемногу успокаиваться. Но она ошибалась. Она ему запомнилась. В один прекрасный день, когда лето уже кончилось и она снова стала ходить в школу, он как-то подстерег ее в подъезде, и, упершись рукой в стену, преградил дорогу. Отчего это она к нему больше не заходит? Нехорошо после всего, что между ними было. Уроков много задают, пролепетала она, то краснея, то бледнея от страха. Ну, я мог бы тебе кое в чем и помочь, двусмысленно улыбаясь, произнес Руслан. И вдруг обнял крепко за плечи, засопел и потерялся своей редкой, неопрятной щетиной о Вероникину щеку, ободрал ее. Приказал почти ласково: придешь сегодня в шесть, поможешь стол накрыть. А глаза были, как у рыбы, светлые, почти белые, и злые-презлые.

Ей стало жутко. Она не хотела идти, но не посмела послушаться. Потому что не было никого в целом свете, с кем бы Вероника могла поделиться своими страхами. Никого, кто мог бы ее защитить. И в самом деле, кому о таком расскажешь? Кому она могла тогда пожаловаться, кому могла рассказать о Руслане? Отца у нее не было. Матери? Об этом и речи не могло быть. Мать была всегда занята только собой. Всегда равнодушная и холодная, как тот айсберг, что в песне. Вероника не помнила, чтобы она хотя бы раз в жизни погладила ее по голове или сказала что-нибудь ласковое. Или хотя бы Верочкой назвала, как бабушка. Она всегда говорила с дочерью так, словно та в чем-то перед ней провинилась. О квартире в доме напротив и о том, что там делалось, невозможно было говорить даже с Наташкой. Та могла проболтаться. Да что – могла? – наверняка проболтается! А Вероника больше всего боялась, что в школе узнают. Будут шептаться, посмеиваться за спиной. При одной этой мысли ее охватывал стыд и страх. Такой же стыд и страх сопровождал ее во время тайных посещений квартиры Руслана и во время ее поездок с ним. Несколько раз он брал ее с собой за город, куда ездил «по делам». Запомнилось, как однажды они ночевали в какой-то запущенной берлоге, под стать которой были и грязные, неухоженные хозяева. Спали на каком-то одеяле в подозрительных пятнах и таким же укрывались. Еще ездили к Федьке, который жил с родителями в пригороде около самой железной

дороги, и тогда она звонила со станции домой, отпрашиваясь на ночь «к подруге». Мать иногда соглашалась, но, случалось, и возражала. В таких случаях какая-нибудь девчонка из штыревской компании – обычно Ольга – брала трубку и голосом отличницы-паиньки, но кривляясь при этом и глупо тараща глаза, начинала уговаривать мать позволить Веронике переночевать «у нее». В ход шла всякая чушь, вроде того, что они фильм по телевизору смотрели (к контрольной готовились, выкройки делали), а когда посмотрели на часы, то оказалось, что уже поздно ехать домой. Обычно трюк этот срабатывал.

Вероника училась хорошо только в младших классах, в старших была середнячком, а к концу школы, вообще съехала. «О чем ты думаешь? – отчитывала ее классная. – Как экзамены собираешься сдавать?» Классная ее недолюбливала. Как и многие другие учителя, считала ее тупицей, у которой только мальчики на уме. Впрочем, кто и когда любил Веронику, ну, кроме бабушки?

И вдруг все кончилось. Именно вдруг. Одним ранним июньским утром Руслан исчез, а его квартира была опечатана милицией. Вероника долго поверить не могла, что снова стала свободна, что ей не нужно теперь вечерами пробираться тайком в квартиру, которая была ей также ненавистна, как и ее хозяин. Сел за наркотики, услышала она во дворе. За наркотики? Она замечала, конечно, странности в поведении штыревских гостей, но ей он никогда такого угощения не предлагал. Жалел? Или боялся, что она кому-нибудь проболтается? Этого она так и не узнала. Может быть, он писал об этом в том письме, которое спустя некоторое время принес ей Федька. Но она его даже не открыла. Изорвала его, не читая, в мелкие клочки.

И вот этот урод снова на свободе.

Всю первую пару Вероника просидела как в полусне. Вместо того чтобы записывать лекцию, рисовала цветочки на полях тетрадки с конспектами. Этот звонок от Руслана, его угрожающий тон – это и в самом деле только цветочки, и страшно подумать, какие ягодки ждут впереди.

– В горы идешь?

Она сначала даже не поняла, что вопрос к ней. Сидящий впереди Антон Гуменюк обернулся и вопросительно таращился на нее своими голубыми глазками-пуговками.

– В субботу, – напомнил.

Ах, да. Только и разговоров в группе, что об этом походе. Поход, поход... просто как дети. Деньги на билеты собирают. Разбираются, кто с кем будет ночевать в палатках.

В сентябре с ночевкой в горы идти! Еще не хватало ко всем неприятностям воспаление легких заполучить. Приключений им захотелось. А ей приключений не хочется. У нее в жизни и так приключений выше головы. А с возвращением Штыря все пойдет по новому кругу.

– Чего молчишь? – Антон все еще пялился на нее. – Здорово будет...

Вот пристал как репей!

– Тебе-то что, не все равно, иду я или не иду? – вскипела Вероника.

Хотела еще пару ласковых добавить, чтобы отвязался, но вдруг передумала. Не Гуменюк причина того, что у нее сейчас не жизнь, а сплошная депрессия. Незачем отталкивать тех, кто питает к тебе симпатию, никогда не мешает иметь рядом такого вот безвредного поклонника, пожирающего тебя глазами. Хотя Антон всех пожирает глазами. И Светку Машкину, и Бочманову, и даже Лазаревскую. Но никто не хочет с ним встречаться. Интересно, была ли вообще у него когда-нибудь девушка? Вряд ли. Девственник еще, наверное. Эта мысль неизвестно почему вдруг позабавила Веронику и она, улыбнувшись Антону, примирительно произнесла:

– Конечно, иду.

И добавила с невинным видом:

– В палатку ночевать возьмешь? У меня своей нет.

Гуменюк с минуту ошалело хлопал глазами, не находя слов. Он всегда тормозил с ответом. Растерялся, толстый домашний дурачок.

Вероника отвернулась. В самом деле, может быть, и вправду пойти? Отвлечься, расслабиться. И хорошенько все обдумать. Должен, должен быть какой-то выход. Столько времени прошло, все изменилось, она уже не та глупая девочка, которую Руслан оставил во дворе своего дома перед тем, как исчезнуть на несколько лет. Теперь она поумнее и сможет постоять за себя. В самом деле, все будет нормально.

Но снова прокручивая в голосе создавшуюся ситуацию, вспоминая в подробностях *тот* период своей жизни, все отчетливее понимала – не будет. Злопамятный и мстительный, Штырь не оставит ее в покое. Как только объявится в городе, сразу же все выяснит – и действительно ли она поступила в университет, и какой у нее факультет, и какая группа... Он обязательно это сделает, можно не сомневаться. А узнав, где она учится, легко вычислит, что никакого мужа-студента у нее нет. Как? Просто поговорит с ее однокурсниками, он хитрый, он такой пронира, может, когда ему нужно, казаться и умным и хорошим. И о Лёне все разузнает. Что с того, что о нем знает лишь Петухова, которой ничего не известно о Штыре и которую знать не знает Штырь. Устроит слежку и через неделю-другую все ему будет ясно. Что Лёня не студент и, главное, никакой ей не муж. Узнает и то, что у доктора уже имеется жена. Конечно, все это будет непросто сделать, поскольку открыто они по улицам с Лёней не гуляют, но ведь все-таки довольно часто встречаются. Бывают в кино, недавно ездили в загородный ресторан. Если Руслан обо всем этом пронюхает, всем этим тайным встречам быстро придет конец. Ох, нет, лучше она сама их прекратит, иначе не только ей, но и Лёне достанется. Руслан страшно ревнивый, однажды избил Федьку за какую-то глупую шутку в ее адрес. А сколько раз ее награждал пощечинами за один только случайный взгляд в сторону мужчин! Это было хуже пинков и тумаков – ладонью по лицу. Она, если случалось с ним куда-то пойти, в гости, в ресторан, или поехать на пляж, и глаза-то боялась поднять, чтобы не спровоцировать очередной приступ ревности.

А что, если он уже здесь? Вероника похолодела. Что если уже поджидает ее прямо сейчас у входа в университет, пока она тут на лекции сидит? Он мог ее обмануть – он всегда обманывал, когда это было ему нужно, – и приехать раньше. Чтобы посмотреть, чем она тут занимается. И ждать у входа ее вполне мог. Веронику едва не затрясло. Как она ни старалась убедить себя, что Руслана в городе нет, пока еще нет, страх почти парализовал ее. Как, как от него отделаться? Боже, что бы она только сейчас не отдала, лишь бы никогда не знать о существовании Руслана Штырева по кличке Штырь!

Сославшись на головную боль, Вероника отпросилась у преподавательницы французского и ушла с последней пары. Такое редко случалось, французский язык ей нравился, но сейчас ей хотелось лишь одного – быстрее оказаться дома, посидеть в тишине и подумать.

Но расслабиться не удалось. Она курила на кухне у окна уже третью сигарету, когда вдруг увидела, как в подъезд входит мать. Вот, черт! Чего это ее принесло посередине дня? Опять, наверное, какая-нибудь важная клиентка вызывала на дом. Если такое случалось, Людмила больше не возвращалась в свой салон красоты, а шла прямо домой. Вероника быстро погасила сигарету и распахнула раму. Людмила не переносила дыма и запрещала курить в ее присутствии. Вообще этого не одобряла, только Веронике она давно уже не указ.

– Курила? – тонкие ноздри матери напряглись.

Вероника поморщилась. Сейчас последует лекция о вреде курения. И точно. Начинается.

– Ты же знаешь, как я этого не люблю и как это вредно!

– Знаю, знаю, – раздраженно перебила Вероника. – Никотин сужает сосуды, портит цвет лица, разрушает легкие, вредит печени, курение – прямой путь к раку губ, языка и легких! Сто раз слышала, можешь не повторяться!

Она почти кричала.

Людмила поджала губы.

– Со своим здоровьем делай, что хочешь, но курить в доме я тебе запрещаю!

Вероника отправилась в свою комнату и захлопнула дверь. Нигде покоя нет! Стало еще тоскливее. Не поехать ли к Лёне? Они не договаривались о встрече на сегодня, но как еще отвлечься от мрачных мыслей? Она набрала номер его мобильного. «Абонент временно недоступен, абонент...» Вот, невезуха, и здесь облом! Тем не менее, она начала одеваться. Если не удастся встретиться с Лёней, она просто прогуляется. Сидеть дома сейчас, когда мать раньше времени с работы заявила, было совсем невмоготу.

2

Сентябрь. Ночью уже холодно, по утрам прохладно, а к обеду, бывает, припекает как в августе. Лиза взглянула на часы и пожалела, что не остается времени забежать после занятий в общагу переодеться. Прямо перед нею мельтешила загорелыми ногами веселая группа – у них, похоже, еще разгул пляжного сезона – майки, шорты, шлепанцы. Это курортники, не уехавшие домой к первому сентябрю. Местные же, те, кто работает или учится, конечно, не могут позволить себе полного расслабона, но в большинстве своем тоже еще по-летнему одеты. Только она в брючном костюме. Глупость полная, одеваться на занятия, как в театр. Впрочем, сегодня после занятий ее ждал Лешка, а это почти как свидание.

На лекциях его не было, она даже начала волноваться, когда прозвенел звонок на первую пару, а он так и не появился. Как назло, и мобильник разрядился. Весь первый час нервничала, пока на перерыве к ней не подошел Петров и не сказал, что у Лешки срочная работа, он только что звонил, просил передать, что будет ждать ее после занятий в «Интермеццо».

Виделись они с Лешкой теперь каждый день, поскольку учились в одной группе, но Лизе этого было мало. И очень его не хватало, когда он, случалось, пропускал лекции. Если она раньше него приходила на занятия, всегда старалась сесть у окна. И стоило увидеть за стеклом долговязую фигуру с потертым рюкзаком за спиной и Лешкину лохматую голову, как губы у нее сами собой расплывались в улыбке. Ну, вот как сейчас. Потому что с этой лохматой головой и крепкими руками было связаны те самые «чудные мгновения» ушедшего лета, которые она каждый вечер, укладываясь спать, перебирала в памяти. Снова и снова вспоминала, как они купались ночью в море совершенно без ничего. Как ели пойманную рыбу, приготовленную на костре. Как прятались в пещере от дождя, который застиг их внезапно, когда они ходили за хлебом в сельский магазин...

Неделя «палаточной» жизни, проведенной с Лешкой у моря, была самым ярким пятном на фоне минувшего лета. Вообще-то они планировать пожить там две недели, но не получилось. У нее прямо сердце разрывалось, когда она должна была уезжать домой, а Лешка с братом и с Настей, девушкой брата, оставались на берегу еще на целую неделю. На целую неделю – без нее! А она вынуждена уехать, никак нельзя было задержаться даже до утреннего автобуса, потому что именно следующим утром родители в срочном порядке улетали в Киев на серебряную свадьбу к маминной подруге. Та тоже хороша, ничего лучше придумать не могла, как известить их о своем юбилее в последний момент! «Мама, – взмолилась Лиза, – ну попроси кого-нибудь присмотреть за хозяйством!» «Скажи, кого?» – сердито поинтересовалась мама. В самом деле, кто согласится летом взвалить на себя еще и чужие заботы, когда у каждого есть свой огород, сад и подсобное хозяйство? Куры, утки, гуси, поросенок, да еще и три собаки с котом в придачу требовали Лизино срочного возвращения.

Там, на берегу она мысленно себе поклялась, что у нее никогда не будет никакого хозяйства. Ей просто рыдать хотелось, когда набитый зажаренным до шоколадного цвета и истомленным горячим южным солнцем народом автобус, наконец, тронулся. Такое было ощущение, что они с Лешкой расстаются навсегда. Она едва не заорала, остановите, я выйду! И потом, когда

тряслась в громыхающей от древности жестянке, в голову ей лезли самые дурацкие мысли. Что если за эти три дня Лешка познакомится с кем-нибудь в маленьком сельском клубе? Отдыхающих полно и они все прибывали, палаточный городок на берегу моря разрастался не по дням, а по часам. Вдруг какая-нибудь макака приедет сегодня, завтра или даже послезавтра утром, выйдет из этого же автобуса, вся из себя совершенно неотразимая, и поставит свою палатку на берегу рядом с палатками Лешки и его брата?

Но что делать, родителям нужна была помощь. Я приеду к тебе через пару недель, бормотал Лешка, тычась носом в ее макушку. Обещал, но не приехал. Когда вернулся домой, у отца в гараже оказалось много работы. Но не приехал он не потому, что не смог выкроить пару дней, настоящая причина была скорее в том, что Лешка стеснительный. Об этом, разумеется, никто даже не подозревает, кроме нее, Лизы, но она-то его знает. Так вот и получилось, что целый август не виделись. Лиза дождалась не могла сентября. Потому что сентябрь для нее означал не столько возвращение к учебе, сколько возвращение к Лешке. А уж что означал для нее Лешка...

Удивительно, как она обходилась без него раньше? И что особенно странно, они проучились целых два года вместе, в одной группе, прежде чем до нее вдруг дошло, прежде чем она поняла, что он не такой, как другие. Не внешне, нет. Он симпатичный, конечно, но не такой красавец, как Костя Георгиади, от которого все первокурсницы млеют. Умный, но не строит из себя всезнайку, как Петров, с чувством юмора, но никогда и не рассказывает пошлых анекдотов, как Клячко. Она никогда не видела его с сигаретой, хотя он, случилось, и стоял на крыльце среди компании курильщиков, ни разу не слышала от него крепкого словца, которым теперь и девчонки пользовались сплюшь и рядом, и при этом он не был со всех сторон опекаемым сыном, как, например, Гуменюк. Он был просто нормальным, безо всякого выпендрежа, и почти незаметным на фоне других парней. Ну ничего в нем не было такого, что бы бросалось в глаза. Может быть, именно поэтому Лиза до поры до времени его и не замечала? Но однажды они всей группой завалились в бар-ресторан отметить конец сессии. Составили вместе три стола, кто-то заказал вина, кто-то водки, потом еще чего-то и еще, как водится. Через пару часов, под конец посиделок стали собирать деньги, прикидывая приблизительно, кто и на сколько погулял. Лиза пересчитала, и оказалось, что собранных денег не хватает, чтобы оплатить счет, и не хватает довольно много. Она собралась, было, оповестить об этом народ, но Лешка не дал этого сделать. Достал из кармана кошелек и доложил недостающую сумму. Никто и не заметил, что его единственный бокал с вином, который он поднимал вместе со всеми, остался почти полным. Поймав Лизин взгляд, Лешка слегка виновато улыбнулся и объяснил, что пить не может, через час ему за руль, нужно отогнать машину одному важному клиенту. Все были в курсе, что Лешка помогал отцу ремонтировать машины. Он не получал деньги на «карманные» расходы от родителей, а зарабатывал их, и она вдруг почувствовала к нему большую симпатию. Это сближало его с Лизой, потому что она тоже постоянно подрабатывала. Ее родители выплачивали кредит, взятый в банке на покупку грузовика и на закладку плодопитомника, так что лишних денег в семье не было.

На следующий день Лиза поинтересовалась у Жени Петровой, так, между прочим, почему это Лешка пришел без своей девчонки (ходили слухи, что у него кто-то есть). Петрова наморщила лоб, припоминая о ком речь. «Это ты о той, с биофака? Да они давно уже не встречаются». После чего внимательно посмотрела на Лизу и вдруг пригласила на субботу в гости. Это было удивительно, поскольку Петровы в группе держались сами по себе и в свое съемное гнездышко мало кого приглашали. Единственные женатики тогда были, не только в их группе, а и на целом курсе. Слегка польщенная Лиза, конечно же, пришла, и увидела, что пригласили не только ее – у Петровых уже сидел Лешка. Который потом и отправился ее провожать. Назад в ту ночь ему, автолюбителю, пришлось топать пешком, потому что когда они, наконец-то, расстались, никакой транспорт уже не ходил.

«Интермеццо» – маленькая кафешка со стеклянной стеною. Прямо театр. Стойка, столики, официанты, посетители – с улицы все видны, как на сцене. Лешка сидел у самого окна. Откинувшись на спинку стула, скрестив ноги в сандалиях, чуть повернув лохматую голову, смотрел в сторону Лизы, но ее не видел. И Лизе известно, почему. Как раз напротив кафе небольшая автостоянка, а когда у Лешки в поле зрения машины, он впадает в транс. Лиза приостановилась и слегка помахала рукой. Но и после этого он не обратил на нее ни малейшего внимания. Со стороны – прямо философ, размышляющий о судьбах мира. На самом деле, Лешка меньше всего склонен к философским размышлениям, а щурится из-за легкой близорукости. Такая вот внешность у человека обманчивая.

– Привет! – сказала Лиза, усаживаясь напротив. – Ох, хоть где-то прохладно!

В кафе работал кондиционер, и было, пожалуй, даже холодновато после улицы.

– Привет! – очнулся, наконец, Лешка, переводя взгляд на Лизу.

Сообщил доверительно, блестя глазами:

– «Инфинити», представляешь?

Не сказал, а выдохнул.

– Надо было тебе в автодорожный техникум идти, – хмыкнула она, усаживаясь напротив. – И с чего ты на филфак подался?

Лешка наморщил лоб и немного подумал.

– Бабушку хотел порадовать.

– Нет, серьезно, почему?

– Я серьезно и говорю, – поставив локти на стол, Лешка потер пальцами уставшие глаза. – Она у меня заслуженный работник народного образования. Сорок лет в школе проработала.

Лиза покачала головой.

– Ну, из тебя если и выйдет учитель, то только по автоделу – обучать вождению.

– Хорошая идея, – ничуть не обидевшись, согласился Лешка. – Если на радио не возьмут, возможно, этим и буду заниматься. С тебя и начну.

Журналистика – вот его планы. Да только мало ли кто о чем мечтает. У журналиста должен быть кругозор, а у Лешки все его интересы сконцентрированы на гараже. Журналист из него – разве только для газеты «Мир авто». Дома стены его комнаты уклеены картинками из журналов и рекламными плакатами разных марок машин. И о чем бы он с кем не говорил, в конце концов, любой разговор плавно перетекал на автомобильную тему. Случается, идут по улице и вдруг Лешка замирает, как петух в гипнозе. Это значит, мимо проехало нечто особенное, лишившее его дара речи.

Раньше Лиза и не подозревала, что в мире существует такая пропасть всяких автомобилей. Ходила себе пешком, да на общественном транспорте ездила, не задумываясь о том, какие марки заполняют улицы. Лешка знал «в лицо» массу автомобилей, знал, какая фирма какие модели выпускает, с какой начинкой, сколько эта машина в среднем ест топлива на трассе и сколько в городе, какую развивает скорость... Ну, и прочие параметры и возможности железных коней.

И еще одна страшная тайна известна Лизе. Летом, пока она парилась в родительском саду, он собирал из запчастей автомобиль. Не гоночный, конечно, о каком мечтал, но особой конструкции. Само собой, ее в эту страшную тайну никто не посвящал, случайно подслушала разговор Лешки с братом. Впрочем, ей было пополам, что они там собирают, техника ее не интересовала. Она даже ревновала слегка Лешку к этой самой технике. Потому что, если стоял выбор – театр, кино или ремонт автомобиля, он всегда предпочитал большой отцовский гараж, над которым красовалась самодельная вывеска «Шиномонтаж, балансировка, ремонт». И если в свободное от занятий время Лешки нет дома, значит, он, скорее всего, копается в очередном моторе. Вероятность – девяносто девять процентов.

– Ну, что будем брать? – Лешка зарылся носом в меню.

– Да я как-то не особенно проголодалась, – сказала Лиза и быстренько переменяла тему. – Чего сегодня на занятиях не был?

– Срочный ремонт. Клиент, кстати, щедрый попался, так что не стесняйся, гуляем по полной программе. Что берем на первое?

– Мне только слойку с яблоками и чай...

– ... без сахара, – подсказал Лешка.

Он еще и издевается!

После того, как в первый день занятий Лариска на всю аудиторию радостно проорала: «Заяц, а ты за лето потолстел!», ей только сладкое и есть. На каникулах Лиза слегка расслабилась. Дома все время на кухню тянет, съесть чего-нибудь вкусненького. От безделья, наверное. В городе вечно куда-то спешишь, на занятия, на консультацию, на какую-нибудь встречу, о еде вспоминаешь, только когда желудок уже вопит. А дома только и открываешь холодильник. Да и от фруктов просто некуда деться, они везде, в корзинах на полу и на столах, варятся, сушатся... В винограде сплошные углеводы, но как устоять, когда выйдешь во двор, а перед тобою и над тобою, и за тобою болтаются сочные спелые гроздья. И не заметишь, как отщипнешь то тут ягодку, то там. И у мамы все блюда жирные. По ее меркам, Лиза вернулась после сессии не просто худая, а прямо-таки дистрофик с усохшим желудком, и ее следовало хорошенько подкормить. И со своей задачей она успешно справилась. К концу августа, сбросив сарафан, Лиза с ужасом обнаружила, что не влезает даже в разношенные джинсы.

– Кто как ест, тот так и работает, – сказал Лешка.

– А на тебя посмотреть – не в коня корм, – не осталась Лиза в долгу.

Лешка пропустил намек на худобу мимо ушей и заказал две порции украинского борща, две котлеты «южные» с салатом ассорти и мороженое на десерт. Похудеешь с ним!

Официант ушел, и Лешка озабоченно наморщил лоб.

– Рюкзак из дому привезла?

Рюкзак-то у Лизы был, только вряд ли он пригодится.

– Сможешь одолжить палатку? Ту, что мы на море брали? – опершись о стол, Лешка слегка наклонился к Лизе. – Слушай, уговори свою подругу ее продать. Она же походов не любит, зачем она ей?

Лиза почувствовала себя слегка уязвленной. Уж не из-за палатки ли эта встреча? Двойная Таськина палатка ему еще летом приглянулась, они почти и не вылезали из нее там, на берегу... Только он об этом как будто забыл. Палатку помнит, а ночи, проведенные с Лизой, как морской волной смыло. За эти несколько дней ни разу не вспомнил, ни разу не сказал, а здорово было! Или, может быть, та неделя лишь для нее главное событие минувшего лета, а для него – пустяк, о котором и говорить не стоит?

– Спрошу, – ответила сухо. – Только с чего ты взял, что Таська походов не любит?

– В горах классно, – снова откинувшись на спинку стула, мечтательно произнес Лешка, не заметив перемены в Лизином настроении. – Шашлыки сделаем. Грибов в этом году полно.

– Не получится у меня.

– Ну, ты даешь! – опешил Лешка. – Вся группа идет, а у тебя «не получится»!

– Я бы с удовольствием, – с сожалением ответила Лиза. – Но Таська работу нашла.

– Сегодня же только понедельник, – напомнил Лешка. – Целая неделя впереди. Может, успеете закруглиться до субботы?

Лизе самой этого очень хотелось, но вряд ли они закончат за два дня, поскольку к работе они приступят только в четверг, когда мебель вывезут.

– Отказаться не можешь?

– Ну, не знаю, – она вздохнула. – Я же обещала Таське. Одной ей будет трудно.

Не стала добавлять, что Таське придется работать полный день, а Лизе только полдня, после занятий. Но главная причина даже не в Таське и не в том, что она не может ее подвести. Просто такие деньги на дороге не валяются. Вдруг ничего подобного больше не подвернется? Мало кто начинает ремонт ближе к зиме. Она тогда будет локти кусать, что прошляпила такую возможность хорошо подзаработать.

Лиза хотела сказать и себе и Лешке в утешение, что может быть ситуация еще изменится, может быть, вещи из дома на этой неделе не вывезут, но вдруг увидела Веронику, которая медленно брела по тротуару за оконным стеклом, прямо перед ними, и внимание ее тут же переключилось. Потому что никогда она еще не видела самоуверенную и заносчивую Веронику такой. Плечи сторблены, голова опущена.

– Смотри, Минкова, – протянула она. – Что это с ней? Прямо на себя не похожа.

– Ага, как с похорон, – согласился Лешка.

3

Стоило Ларисе их увидеть, как она сразу же поняла, что должна их заполучить. Конечно, она не устояла перед искушением тут же их и примерить, хотя денег у нее в кошельке кот наплакал. Сумма, выданная родителями на карманные расходы в начале сентября, непостижимым образом испарилась уже к середине месяца. Но, ясно как день, ждать начала октября великолепные испанские сапожки не будут. А вот уплыть с витрины бутика могут в любой момент. Что с того, что светит солнце и сейчас, в три часа дня, стоит почти летняя жара? Уже завтра может пойти дождь. Осень она и на юге осень. Народ присматривается к теплым вещам. Нет, такие сапоги ждать никак не могли. К тому же, была всего одна – одна! – пара ее размера. И продавщица клялась, что такие сапожки продаются только у них и нигде больше. Спецзаказ. Удивительно мягкая кожа и редкий цвет. Трепеща от мысли, что их вот-вот купят, Лариса умолила продавщицу убрать *ее* пару с полки, клятвенно заверив, что завтра прямо с утра она за ними придет. Будь на месте этой продавщицы какая-нибудь старая гримза, она бы и ухом не повела, но девушка была молоденькая и поняла Ларису с полуслова. Судя по тому, как она выглядела, она и сама знала толк в одежде. И уж, само собой разумеется, в обуви – иначе бы здесь не работала.

Погуляв еще с полчаса по торговому центру, Лариса набрела на почти такого же цвета сумку, которую тоже следовало купить, поскольку ни одна из тех, что у нее были, к присмотренным сапожкам не подходила. Хорошо бы и новую курточку подобрать, шарф, перчатки. Какой смысл покупать дорогую дизайнерскую вещь, если все остальное к ней не подходит? Теперь дело за малым – убедить папу, что все эти вещи ей остро необходимы. К четырем часам она вдруг почувствовала, что сильно устала. Пора домой. В маршрутке было пусто. И неудивительно, жители района, который назывался «Особняки» городским транспортом пользовались мало, у всех свои машины. А вот Ларисе приходится ездить. По утрам папа изредка подбрасывает ее к универу, но случается это не так часто как хотелось бы, – обычно он уезжает раньше, чем Лариса просыпается, или позже, когда она уже в университете. А уж возвращаться домой ей всегда приходится на маршрутке. Лариса достала из сумки свой «ай-под», надела наушники и нажала кнопку. Музыка, вот что всегда скрашивает дорогу.

Вечером она с нетерпением ждала возвращения отца с работы. Только бы не задерживался. В последнее время он стал приходить поздно, иногда даже очень поздно, когда все уже спят. А поговорить с ним утром вообще вряд ли удастся, для этого нужно рано встать, что для Ларисы равносильно подвигу. Да и спешит он по утрам, скажет ей свое вечное: потом, потом, потом...

Но ей сегодня везло, хотя и понедельник. А может быть потому и повезло, что был именно понедельник – по понедельникам клиентов в ресторане меньше. Ну, как бы там ни было, отец пришел домой раньше обычного, когда мама, Наташка и Лариса еще сидели на кухне за ужином. Отец есть не стал, хотя присел на минутку у стола, вкратце рассказал о том, какую сегодня рыбу завезли, о новом поваре-китайце, о том, как прошел обед парапсихологов, чей слет был отмечен походом в «Волшебный Замок». Потом отец отправился переодеваться, вот скрипнула дверца – это он достал из бара бутылку вина, потом включил в комнате телевизор... Еще чуть-чуть и можно действовать. Наилучший момент, это когда он уже отойдет от своих ресторанных дел и слегка расслабится. Вот, теперь, кажется, самое время. Лариса медленно поднялась из-за стола, стараясь и виду не показать, что спешит. Ей хотелось поговорить с отцом без маминого присутствия. Чай мама обычно пьет долго, наслаждаясь каждым глотком, вприкуску с шоколадными конфетами, так что Лариса вполне успеет переговорить с отцом наедине. Она зашла в комнату и опустилась на диван. Отец, устроившись в кресле перед телевизором, переключал каналы, выискивая новости – единственное, что он смотрел, помимо спортивных передач.

– Пап, мне нужны деньги.

Отец терпеть не может, когда разговоры начинают с дальних подходов и намеков. Когда речь идет о наличных, с ним нужно говорить предельно коротко и прямо – сколько и зачем.

– Хочу кое-что из одежды купить, – объяснила.

– А ты шкафы давно открывала? – в дверном проеме появилась с чашкой чая в руке мама. За нею, хвостом плелась Наташка, неся коробку конфет. Не могли явиться на пять минут позже!

– У тебя старой одежды девать некуда, – сказала мама, усаживаясь около маленького столика.

– Наташке будет, – с досадой ответила Лариса.

– Станет она после тебя что-то донашивать!

– Не буду ничего донашивать, – подтвердила Наташка, всовывая свое тощее тело между стеной и мамой. – Тебе все новое подавай, а я, что, Золушка?

– Я, между прочим, все лето в городе проторчала, – с упреком произнесла Лариса, проигнорировав реплику сестры. – Если бы мы куда-то поехали, то денег бы истратили намного больше.

Летом всей семьей собирались поехать в Испанию. Но в конце мая маме сделали операцию – удалили желчный пузырь. По какой-то новой, малотравмирующей методике. Оперировавший врач утверждал, что мама чуть ли не через неделю поправится, так что их летнему отдыху ничего не грозит. Но возникли какие-то непредвиденные послеоперационные осложнения и Испания накрылась медным тазом. Ларисе пришлось на пару недель превратиться в сиделку, да и потом, когда мама стала ходить, все равно, все домашнее хозяйство осталось на ней, потому что женщина, которая два раза в неделю убирала дом, тоже взяла отпуск. А потом и вообще ушла. Отдохнуть по-настоящему получилось только у Наташки, ее отправили в детский лагерь в Евпаторию, чтобы не бегала без присмотра. Отец, конечно, только рад был никуда не ехать. Он терпеть не может семейного отдыха. Впрочем, и несемейного тоже. Как всегда, торчал в своем ресторане от зари до зари, в курортный сезон народу много. Лишь к концу августа, когда мама, наконец, стала чувствовать себя более-менее сносно, они втроем, – естественно, без отца! – съездили на неделю в Сочи. В Сочи вместо Испании! Лучше бы вообще никуда не ехали, потому что никакого отдыха не получилось, Лариса не отдыхала, а все время пасла Наташку. Мама и на пляж не часто выходила, не говоря уж о каких-то прогулках. Почти все время сидела в номере. Солнца она не любит, от жары быстро устает. А Наташке только море и подавай, из воды не вылазила. Нет, во всем этом Лариса никого не винила, так сложились обстоятельства, но какое-то вознаграждение за свое трудовое лето она все-таки заслужила, разве не так?

Отец и не спорил. Глядя в экран, где мельтешили футболисты, поинтересовался равнодушно:

– Сколько?

Сердце екнуло, но Лариса, глядя на завитушки ковра под ногами, не отступила и твердым голосом назвала сумму, которую предполагалось потратить на покупки. У нее наготове был с десяток дополнительных аргументов на случай, если папе вдруг эта цифра не понравится. Но они, к счастью, не понадобились. Отец и ухом не повел, кивнул спокойно, хорошо, получишь. Ура! Ура! – мысленно прокричала Лариса. Что ни говори, отец у нее что надо, таких еще поискать. Выглядит молодо, красивый, умный, щедрый. Не то, что мама, полная ему противоположность... У нее денег лучше и не просить, все равно не даст. Считает, что Лариса транжира и всегда покупает не то. Но, если разобраться, это она сама не умеет делать покупки. Иначе не одевалась бы так ужасно.

– Я, пожалуй, тоже пройду с тобой по магазинам, – допив чай, внезапно произнесла мама. – Ты когда собираешься?

Ага, ветер поменялся.

Всегда так, с досадой подумала Лариса, сначала она категорически против, а потом, когда видит, что спорить бесполезно, сразу цепляется – и я с тобой! Теперь, оказывается, и ей срочно что-то понадобилось. Ну и шла бы себе одна, или с этой своей подругой, Мариной, но нет, нужно именно с Ларисой! Чего нельзя допускать ни под каким предлогом. И Лариса не допустит. С мамой или вообще ничего не купишь, или купишь не то. Невозможно сосредоточиться и принять правильное решение, когда над ухом кто-то все время талдычит: «Эта синтетика не стоит таких денег», «это не твой размер», «у тебя ноги не идеальные, чтобы носить такие короткие юбки» и все такое прочее. Хотя причина, совсем не в том, что размер неподходящий или ноги у Ларисы не самые стройные, а в том, что мама не любит тратить деньги на дорогие вещи. Не научилась, потому что ничего подобного во времена ее молодости в магазинах не водилось. Цены в бутиках ее просто ужасают. Ей кажется, что все эти фирмы, выпускающие красивые вещи, держат своих потенциальных покупателей за дураков, которых ничего не стоит облапошить. И она не стесняется говорить об этом вслух. Лариса краснеет от стыда, когда продавщицы начинают переглядываться и с плохо скрытым презрением слегка пожимают плечами, что можно истолковать как, если вам такое не по карману, то что вы здесь, собственно говоря, делаете? Есть и вторая причина маминого скупердяйства – она шьет. Я тебе лучше сошью, говорит, едва взглянув на ценник. Она сошьет лучше, чем французский дизайнер! Ну, уж нет, хватит с Ларисы того, что она все детство проходила в маминых изделиях. Однажды та додумалась сшить ей платье из остатков портьерной ткани. В парке женщина, с дочерью которой Лариса играла в догонялки, долго и с какой-то жалостью разглядывала ее, а потом, покачив головой, спросила: деточка, кто же это так тебя одел? Тогда Ларисе было всего лишь лет пять или шесть, этот вопрос она помнила до сих пор. И став постарше, поняла одну важную вещь – одеваться нужно настолько дорого, насколько позволяют средства. А если отец у тебя владелец известного в городе ресторана, тем более, чего экономить?

– Ну, не знаю, будет ли это удобно, – промямлила она. – Мы с Инной Сабаниной уже договорились прокатиться вдвоем.

Это было неправдой, но идти за покупками вместе с матерью означало испортить себе все удовольствие.

– Я вам не помешаю, – бодро пообещала мама.

Если бы. Подняв глаза к потолку, Лариса только вздохнула. Ну, почему ей не досталась такая мать как у Инны Сабаниной? Одетая – супер, в лучшем смысле этого слова, и для дочери денег не жалеет. Однажды Лариса встретила ее в супермаркете в роскошной курточке, которую накануне видела на Инне. Инна сказала, что мать купила ее в Париже. А когда назвала цену, Лариса едва не задохнулась от восхищения и зависти. Поэтому мы иногда и покупаем одну

вещь на двоих, скромно объяснила Инна. Дескать, в целях экономии. Ларисе бы такую «экономию»! Инне повезло и в том, что у них с матерью один размер. Лариса взглянула на свою маму и поежилась. Неужели и она когда-нибудь будет такой же толстой? Надо срочно – срочно! – начинать ходить в спортзал. Вообще-то она это решение еще летом приняла, когда они загорали на пляже. Мама плавать не умеет. В дни отдыха, если и выбиралась на пляж, что случалось редко, то больше лежала под тентом, читая Донцову. Отговаривалась тем, что ей после операции лучше не купаться. Хотя врач рекомендовал как раз обратное. «Двигаться нужно, а то еще больше растолстеешь», – сказала Лариса. «Да я просто дюймовочка по сравнению с некоторыми», – усмехнулась мама, кивая в сторону проходившей мимо женщины. Среднего возраста тетка в желтой панаме и в закрытом черном купальнике с ляжками чудовищно перекормленного бройлера рассекала по пляжу, держа в одной руке бутылку с минералкой, а в другой две порции мороженого. Лариса тут же протянула Наташке свое: ешь, я в воду, объяснила. И отплывая подальше от берега, мысленно клялась, что всегда будет следить за питанием и всю зиму будет ходить в спортивный клуб. В самом деле, пора начинать. Тем более, что абонемент уже куплен.

– Нет, мама, – покачала головой Лариса. – Давай в другой раз. Инне это вряд ли понравится. Мы ведь едем на *ее машине*, – добавила с упреком, взглядывая в сторону отца.

Тонкий намек на то, что и ей давно пора иметь свою тачку. Инна с первого курса ездит на своей. Но папа, разумеется, ничего не понял. До него даже толстые намеки с трудом доходят.

– С Сабаниной? – оторвался на мгновение от теленовостей. – Ходят слухи, Сабанин снова баллотируется в депутаты. Инна ничего не говорила на эту тему?

– Нет.

Как будто им говорить больше не о чем, кроме как о депутатах!

Впрочем, даже если бы и говорила, Лариса бы вряд ли такое запомнила. Она не держит в голове того, что ей неинтересно. А вот о машине думает постоянно, особенно, когда вспоминает об Инне. Впрочем, у них не одна Сабанина такая крутая. Вся стоянка возле универа забита новенькими авто, и будьте уверены, это не машины преподав. На их зарплату разве что «Ниву» или «Жигуль» какой-нибудь заваливший можно купить, но никак не иномарку. Все эти крутые тачки, заполняющие университетскую автостоянку, купили для своих детей-студентов их любящие родители! Лариса открыла, было, рот, чтобы известить об этом отца прямым текстом, но, покосившись на маму, развивать эту тему не стала. Говорить с папой об этом нужно отдельно. Стоит при маме завести разговор о машине, как она просто из себя выходит – только через мой труп! Сама не водит и другим не дает. Боится, что Лариса не справится с управлением, или что в ее автомобиль врежется какой-нибудь пьяный водила. И стоило заканчивать курсы вождения, чтобы лишь изредка, где-нибудь вдали от города проехаться на отцовском джипе! Джип, конечно, крутая машина, но джип отец ей, разумеется, не купит. А на какую-нибудь маленькую букашку Лариса сама не сядет. На них только парковаться в центре города хорошо, но народ в такую не посадишь – не те объемы. А так хочется прокатиться дружной компашкой куда-нибудь за город!

Новости закончились и отец поднимается с кресла.

– Нужно кое-кому позвонить, – говорит словно оправдываясь. – Может быть, придется еще раз на работу съездить, – добавляет у двери своего кабинета, – вечером банк «Промышленный» празднует юбилей, надо проследить, чтобы все было в порядке.

– Ну да, без тебя там никак не справятся, – опустил глаза, усмехнулась мама.

– Справятся, – миролюбиво кивнул отец, – только при мне все пройдет на более высоком уровне.

– Можно подумать! – С самым неприятным выражением лица мама последовала за ним.

Похоже, будет очередная разборка, случалось у них и такое – мирный вечер заканчивался разговором на повышенных тонах.

– Идем на кухню, – позвала Лариса сестру. – Надо там убрать.

Взяв со столика мамину чашку, Наташка последовала за Ларисой, но прежде чем покинуть комнату, оглянулась на дверь, за которой скрылись родители, и тихо спросила:

– Слушай, а чего это они все время ссорятся?

– С чего ты взяла? – фальшиво удивилась Лариса. – Они всегда так разговаривают.

– А вот и нет, – Наташка покачала головой. – Раньше они больше смеялись, а теперь больше ругаются. И раньше мама с папой и на работу вместе ездили, и вместе в гости ходили, а сейчас он ее никуда не берет. И нас больше в ресторан не берет.

– Ну, не хватало мне еще с папой в ресторан ездить! – сердито фыркнула Лариса. – Делать мне больше нечего! Да и тебе там не место. Там каждый вечер пьяных полно...

– А Эльвира там всегда торчит. Мама сказала...

– Это какая Эльвира? – насторожилась Лариса.

Наташка уставилась в потолок, припоминая слово.

– Ну, эта, с длинными волосами, которая в большом зале командует, метр...

– Глупая, она же там работает, – рассмеялась Лариса.

– Она там к папе цепляется, – снова оглянувшись на дверь, шепотом сообщила сестра.

– Кто тебе такое сказал? – опешила Лариса.

– Мама папе вчера ночью кричала, что у них эти... шуры-муры.

Ларисина комната внизу, на первом этаже, а Наташкина спальня на втором, как раз напротив спальни родителей. Так что она вполне могла слышать родительскую ссору, но вот разобравшись, что они там друг другу говорят, это вряд ли.

– Подслушивать некрасиво, – пристально посмотрев на сестру, сурово произнесла Лариса.

– Я не специально, – надулась та. – Я как раз в туалет выходила.

На душе у Ларисы заскребли кошки. Мама, конечно, ревнивая очень, но ведь и дыма без огня не бывает. Однажды Лариса тоже стала свидетельницей крупного разговора между родителями. Дойдя до белого каления и уже не стесняясь присутствия Ларисы, мама вдруг припомнила отцу какую-то древнюю историю, имевшую место быть еще в те времена, когда они жили в квартире бабушки. По ее словам выходило, что отец, воспользовавшись тем, что мама с бабушкой уехали на дачу, привел домой какую-то девицу. «Домой! – гневно восклицала мама, распаляясь при одном воспоминании о чудовищном поступке отца. – Хотя бы соседей постыдился! Они все видели! И как вы вечером зашли, и как она утром из нашей квартиры вышмыгивала!»

Отец выдержанный, чаще отмалчивается, когда мама выпускает пар. Только лицо у него делается немного страдальческое. Ларисе жаль его в такие моменты. И маму жаль. Только отца почему-то больше. В самом деле, сердится она на мать, давным-давно это было, можно было бы уже папу простить. Молодой был, а в молодости чего не бывает? И не монах же он, в конце концов! Мужчина симпатичный даже сейчас, а в юношеские годы вообще был красавец, если судить по фотографиям. И всегда на виду, не в шахте же он, а в ресторане всегда работал. Не всякий монах устоит перед соблазном, когда день и ночь перед глазами мельтешат красивые женщины.

Лариса всегда жалела, что она не в отца, а больше на маму похожа, такая же невысокая, курносая и круглолицая. У папы лицо просто аристократическое. Также как и руки. Была бы она в отца, уже давно бы замуж за иностранца вышла. А так, как ни фотографируйся, щеки видны, полные плечи и руки. А шею ни гимнастикой, ни даже пластической операцией не удлинить... Лариса взглянула на сестру и подавила вздох. Наташке повезло больше – уже сейчас видно, что она будет высокой и черты лица у нее более тонкие.

– А папа ей ответил, отвязись от Эльвиры, – продолжала, тем временем, Наташка. – И дурой обозвал. Наверное, сильно рассердился, он же просто так никогда не ругается.

– Вытирай стол и марш в ванную, – поторопила сестру Лариса, взглянув на часы. – А то мультики не успеешь перед сном посмотреть.

– Как ты думаешь, они не разведутся? – Наташка с надеждой посмотрела на сестру.

– Щас! – фыркнула Лариса. – Из-за чего? Из-за маминой подозрительности, что ли? Надумывает она все. Эльвира сто лет в нашем ресторане, зарабатывает хорошо, работой дорожит. У нее самой семья есть, дети. Зачем ей нарываться на какие-то неприятности?

Лариса старалась, чтобы ее голос звучал как можно убедительнее. Жаль было сестру. Но мама хороша! Хотя бы при Наташке сдерживалась. Скоро точно станет законченной истеричкой. В последнее время начала кричать даже на Антонину, которая дважды в неделю приходит убирать дом. И ведь, если разобраться, чаще всего придирается она ко всем безо всякой на то причины. Недавно в присутствии соседки, которая пришла посмотреть, как продвигается строительство бассейна, вдруг не на шутку распыхтелась. Да конца этой стройке не видно, сказала раздраженно, глядя в окно на то, что обещало стать когда-нибудь бассейном. Она и без этого строительства как белка в колесе – бросила гневный взгляд в сторону отца. На ней и хозяйство, и собаки, и ребенок, с которым нужно заниматься уроками, а потом еще на теннис отвезти, или на урок английского. Все, все в этом доме на ней. В то время как те, кто развел всю эту грязь, прячутся от работы в своем кабинете или катаются неизвестно где неизвестно с кем... Конечно, с рабочими не так просто сладить, двор расковыряли, потом пропали на три дня, но отец-то здесь причем? Кстати, именно он, а не мама, с ними потом и разобрался, выгнал их и других, более толковых пригласил. Правда, все это было уже после. В тот момент он ничего маме не сказал, просто встал и вышел с каменным лицом. Не стал ее унижать при соседке, которая после маминой тирады сразу домой заторопилась. Наверное, поэтому у них так редко теперь бывают гости, все уже знают, какой мама стала скандалисткой. Несдержанные на язык люди никому не нравятся, от них стараются держаться подальше. Так что, если глубже копнуть, в отцовских похождениях, если таковые действительно имели место, а не являются плодом маминой больной фантазии, есть и ее вина. Надо чаще в ресторан заглядывать, быть в курсе семейного бизнеса. Нужно быть мягче, дипломатичнее, за собой следить, – как за языком своим, так и за внешностью. Папа работает в ресторане, но никогда не позволяет себе съесть лишнего, а мама даже за самым поздним ужином ни в чем себе не отказывает. Еще есть у нее дурная привычка постоянно «перекусывать». Вот и сегодня, когда Лариса вернулась из города, она застала мать сидящей на диване перед включенным телевизором, а рядом стояло блюдо с персиками, и, судя по количеству косточек на блюде, персиков этих изначально было как минимум в два раза больше. Съела их не меньше десятка. Такой вот перекус между обедом и ужином. А потом еще плотно поужинала. Неудивительно, что отец давно никуда ее не водит. Рядом с ним, стройным и красивым, она как доярка из старого довоенного фильма.

Говорят, дочери ближе к матери, но Лариса почему-то всегда больше на стороне отца, и так было с самого детства.

– Мы же с тобой тоже, бывает, ссоримся. И с Катей, ты тоже иногда ругаешься, – попыталась она утешить сестру. – Все люди ссорятся, время от времени, потому что разные.

– Не все. Катины родители никогда не ругаются. И я, когда вырасту, тоже не буду, – взглянула исподлобья Наташка. – Как можно так кричать? Я потом спать не могла... все думала, а вдруг они разведутся?

– Не бери в голову, – сердито повторила Лариса, вытирая руки. Что она еще могла сказать?

Когда Вероника отыскала нужную аудиторию, лекция уже началась. Как ни спешила, а все-таки опоздала. Проспала, потому что накануне поздно легла. Вечер, который она про-

вела с Лёней, закончился неудачно. Вызванное Лёней такси застряло на полпути, заглох и никак не желал снова заводиться мотор. Пришлось выйти. Больше получаса Вероника провела на пустынной остановке в ожидании троллейбуса. Когда, уже в своем подъезде, взглянула на часы, стрелки показывали без пятнадцати час. Ко всем несчастьям, Вероника забыла дома ключи, пришлось разбудить мать. Та открыла дверь, и, не проронив ни слова, не удостоив дочь даже взглядом, снова скрылась в своей комнате. Но утром ушла из дому, не разбудив Веронику – таким вот, образом наказать решила. Чтобы, значит, дочь не шлялась неизвестно где по ночам, и не возвращалась в то время, когда нормальные люди десятый сон видят. Такими примерно словами она встречала Веронику еще год назад, но с некоторых пор вдруг перестала выговаривать. Дошло, наверное, что дочь взрослая и может распоряжаться и собой и своим временем так, как ей хочется. Впрочем, матери все равно, где и с кем проводит свое свободное время Вероника, вчера она рассердилась лишь потому, что прервали ее сладкий сон, подняли среди ночи. Она никогда не вникала в личную жизнь дочери. Ей всегда некогда. Каждый день расписан по часам и минутам в прямом смысле слова. Однажды Вероника случайно заглянула в ежедневник, который мать всегда носит в своей сумке, так там встречи с клиентами проставлены чуть ли не на полгода вперед. Мать у нее специалист нарасхват. Уходит рано, а иногда и очень рано – некоторых клиентов она обслуживает на дому, до основной работы. И после работы, случается, идет не домой, а делать макияж какой-нибудь даме, которая готовится пойти вечером в театр, в ресторан, или на какой-нибудь праздник. Помимо того, что мать лучший косметолог в своем салоне красоты, она еще и гример хороший. Курсы визажистов когда-то закончила и даже в театре какое-то время работала. Вот ее и приглашают сделать «красивое лицо» перед каким-нибудь важным мероприятием. Случается, они по несколько дней не видятся – мать уходит раньше, чем Вероника проснется, а вечером Вероника приходит домой в то время, когда мать уже спит. Жизни их протекают рядом, но редко пересекаются. Неудивительно, что им почти не о чем говорить.

Вероника чуть-чуть приоткрыла дверь и сквозь щель оглядела аудиторию. Естественно, весь курс уже в сборе, в том числе и ее группа – Георгиади, Машкина, Гуменюк, Петровы... все, как всегда, сидят рядом в дальнем углу у окна. Даже знаменитая прогульщица Сабанина здесь. Лекции Серафимыча редко кто пропускал. Потому что гнусный и въедливый старикашка считал студентов буквально по головам. Три пропуска без уважительной причины и обеспечены отработки, на которых вытянет из тебя все до последней буквы по пропущенному материалу. Не ответишь на какой-нибудь малюсенький вопрос, не допустит к зачету или к экзамену. И ни на какой козе к нему не подъедешь, ни уговорами не возьмешь, ни деньгами, ни подарками. Принципиальный, старпер. И злой, к тому же. Не одну студентку до слез довел своими ядовитыми замечаниями. Особенно не любит симпатичных девчонок. Наверняка в молодости какая-нибудь дала ему прикурить, вот и мстит с тех пор всем и каждому, кто хоть слегка на нее смахивает.

Вздохнув для храбрости поглубже, Вероника открыла дверь и проскользнула внутрь. Опустив плечи и придав лицу самое постное выражение, на какое только была способна, она извинилась почти шепотом, и быстренько, пока Серафимыч не остановил и не устроил допрос, засеменила в конец аудитории, лихорадочно выискивая свободное место. Одно, всего одно местечко подальше от кафедры... ага, кажется, нашлось! Осторожно продвинувшись вглубь ряда, облегченно опустилась на стул между Ларисой Лазаревской и Женькой Петровой. Рядом с Петровой, конечно, сидеть мало радости, но выбирать не приходится. Серафимыч сделал паузу, но, к счастью, не прицепился. Пронесло. Проводив Веронику недовольным взглядом, снова начал мерить свободное пространство аудитории своими длинными кривыми ногами и вещать противным скрипучим голосом. Вероника быстренько достала тетрадь и ручку и застрочила как завзятая отличница, время от времени вскидывая голову и глядя пре-

данными глазами на препода-зануду. Серафимыч все видел, все замечал, все помнил. Просто поразительная память у него была для его возраста.

Прозвенел звонок. Наконец-то! Перерыв. Хорошо, что следующая лекция в этой же аудитории, не надо нестись, сломя голову, куда-то еще. Вероника попросила у Ларисы начало лекции. Лазаревская человек отзывчивый, без слов подвинула к ней свою тетрадку. Ого, целых две страницы! Сильно же Вероника припоздала.

– Слушай, а можно я просто отксерю? – В самом деле, чего пыхтеть, когда внизу, в холле ксерокс стоит? – А потом я в буфет. Может, тебе чего-нибудь принести? – Услуга за услугу.

– Очередь займи, – кивнула Лариса. – Я книги в читальный зал отнесу и подойду.

– Ладненько, – торопливо поднялась и Вероника.

У ксерокса топталось несколько человек – не одна она такая умная. Ладно, сюда можно и позже подойти, сейчас для нее важнее буфет, если не поспешить, то и там будет полно народу – большая перемена. А Вероника позавтракать не успела, и если сейчас не перекусить, еще одну пару высидеть будет трудно.

Когда она, взяв чашку кофе и бутерброд, стала выискивать свободное место за столиками, в хвосте очереди увидела вдруг Петровых и Лешку. Нет, чтобы подойти к ней, разве она не пропустила бы их вперед?! Лариску пропустила, пропустила бы и их. Так все делают, но эти Петровы такие правильные, черт бы их побрал. Непонятно почему, но Петровы ее раздражали, хотя она с ними никогда особенно и не общалась. Прямо не муж и жена, а близнецы-братья. Оба тощие, и одеваются как-то одинаково. На Женьке часто можно видеть футболку или свитер Андрея. Или это ее футболки и свитера на нем? Одежда их, видите ли, не интересует, они выше этого. Все в какой-то беготне по выставкам и литературным вечерам. Оба пишут что-то. А Женька еще и стихи собственного сочинения на гитаре исполняет... Интеллектуалы среднего пола. В ней никакой женственности, а в нем почти не чувствуется мужского начала, так, непонятное что-то. И у обоих – полное отсутствие вкуса.

Вероника уселась за столик у двери.

– Ну, наконец-то! Я тебя с утра ищу, – держа в одной руке чашку, в другой тарелочку с двумя пирожными, к ней спешила Полина. – Привет!

– Привет, – откликнулась Вероника.

Петухова с отделения английского языка. В прошлом году они с Полиной педпрактику проходили в одной школе, в одних и тех же классах, с тех пор и подружились. Сначала всегда слегка восторженная Полина показалась Веронике глуповатой, но потом, чем больше она ее узнавала, тем больше к ней привязывалась. На сегодняшний день не было в окружении Вероники другого человека, на которого можно было бы так стопроцентно положиться, как на Петухову. Полина всегда была готова помочь. Причем бескорыстно, что редкость по нынешним временам. Чуткая, она с ходу улавливала малейшие колебания в настроении подруги. А еще Полина разбиралась в искусстве и музыке. Читала куда больше, чем Вероника, и всегда могла подсказать что-то дельное по предметам, казалось бы, далеким от ее иностранных языков.

– Есть новость, – усаживаясь рядом, сказала Полина. – В начале октября в городской филармонии будет концерт. Приезжает один довольно известный скрипач.

– Ну и что это за новость? – пожала плечами Вероника, глядя на Полинины пирожные и сожалея, что взяла к кофе всего один, пусть и большой, бутерброд. – Бархатный сезон, все эти певцы и музыканты за деньгами стаями на юг летят. И все известные...

– Этот не из той стаи. Звание лауреата международных конкурсов кому попало, если хочешь знать, не дают. И имя у него действительно известное – ну, для тех, кто любит настоящую музыку.

– Ой, да тоска зеленая вся эта классика, прошлый век.

– Ну для невежд – однозначно, – усмехнулась Полина. – Но для меня это кое-что значит.

Ну еще бы! Петухова музыкальную школу с отличием закончила, по классу фортепьяно. До сих пор разучивает какие-то музыкальные опусы по выходным. Когда только время находит?

– Извини, – вздохнула Вероника. – Я сегодня как-то совсем не в себе.

– С чего это? – Петухова тут же простила Веронике враждебный выпад против дорогой ее сердцу классики.

Вероника вздохнула. Даже Полине она не все могла рассказать. Слишком уж благополучной была Петухова. Полина пристально вгляделась в лицо подруги, потом внезапно округлила глаза.

– Что-то ты очень бледная. Ты, это, – наклонившись над столом, перешла на шепот, – случайно не подзалетела от своего доктора?

– Этого мне только не хватало, – поежилась Вероника и, от греха подальше, вернулась к первоначальной теме разговора. – Так что там в филармонии, ты говоришь, намечается?

– Скрипач, из Москвы, – тут же оживилась Полина. – Дает всего один концерт. Борис считает, это просто событие. Никак нельзя пропустить. Борик с ним знаком.

Полина с прошлого Нового года встречалась с Борькой-бородачем, который играл в городском оркестре, и, по словам Полины, неплохо подрабатывал на всяких свадьбах-похоронах. Похоже, в отношении Петуховой был настроен серьезно. Впрочем, неудивительно. Тридцать с большим хвостом, лысина уже намечается и язва желудка. Самое время обзаводиться женой, детьми и домашними обедами. Да и Петуховой не восемнадцать, а двадцать пять. Тоже девушка созрела, готова хоть за телеграфный столб замуж выйти, только бы поскорее. Впрочем, тут же одернула себя Вероника, ей ли осуждать Полину, а особенно сейчас? Если кому и приспичило, кому действительно «уж замуж невтерпех», так это именно ей, Веронике. Муж ей нужен куда больше, чем Петуховой. Вот-вот вернется Штырь. Он не оставит ее в покое, если у нее не будет прикрытия. Она поежилась. Что не укрылось от Полины.

– Похоже, тебя знобит, – озабоченно произнесла она. – У тебя нет температуры?

– Неприятности у меня, – вырвалось у Вероники помимо воли.

– Жена узнала, что вы встречаетесь? Скандал ему устроила? – всполошилась Петухова и покачала головой. – Говорила тебе, не связывайся с женатиками!

– Да нет, ничего она не узнала. И скандалов не устраивала...

Потому что, скорее всего, знает о похождениях мужа, но молчит. Может быть, ее даже устраивает такое положение вещей. Но эти мысли не для уха Петуховой.

– Тогда что за неприятности? – не успокаивалась Полина. – Просто поссорились?

– Нет, – Вероника уже жалеет, что не сдержалась. Полине ничего такого говорить нельзя. Она слишком отзывчивая, слишком. Это у них семейное качество, медом не корми, дай кого-нибудь пожалеть или спасти. Но в ее ближайшем окружении личностей, подобных Штырю не водится, и никогда не водилось, так что вряд ли она может чем-то помочь Веронике. – Говорю же, там все, как обычно. Вчера, вот, была с ним на дежурстве.

– Под видом новенькой медсестры? – пошутила Полина. – Ну, и как?

– Как всегда.

Полина старается не показывать излишней заинтересованности, хотя по глазам видно, что ей очень хочется знать подробности. Но поняв по затянувшейся паузе, что сегодня Вероника вдаваться в детали своего очередного свидания не настроена, начинает рассказывать о своем Борьке. Вчера они смотрели новый фильм, а потом немного посидели в кафе.

– Опять в «стекляшке»? Хотя бы раз в ресторан тебя пригласил, – с укоризной говорит Вероника.

Хотя ей-то меньше всего стоит критиковать Бориса. Ее даже в «стекляшку» сейчас не приглашают, предлагают в основном встречи под покровом ночи. Да, что-то не везет им с Петуховой. У Вероники ничего кроме постели, а у Полины – наоборот, затяжной, вялотеку-

щий период старомодных ухаживаний. Как это, там, в классической музыке называется? Прелюдия? Другими словами – трусливая осторожность. Вероника этого Борика насквозь видела. Скупой, судя по ромашковым букетикам. Расчетливый, судя по тому как долго приглядывается к Полине. И, возможно, не к ней одной. Полина рассказывала, что его «просто преследует одна сумасшедшая меломанка», с которой Боря имел неосторожность познакомиться на каком-то вечере. Названивает, встречает его после концертов. «Представь, с цветами!» – возмущается Полина. Одним словом, пытается познакомиться поближе, хотя Борис никакого повода для этого не давал. Ну да, он такой, весь из себя положительный, мысленно усмехнулась Вероника. А сам, возможно, то же самое говорит своей «меломанке» о Полине... Тянет резину, взвешивает, на ком выгоднее жениться. Хотя сам что из себя представляет? Даже не бизнесмен средней руки, а всего лишь музыкантишка заштатного оркестра. И со здоровьем проблемы.

– Я его вчера с родителями познакомила, – вдруг сообщает Петухова, принимаясь за второе пирожное.

Остатки Вероникиного бутерброда застывают в воздухе. Похоже, чаша весов склонилась-таки в пользу Петуховой! Полина улыбается, довольная эффектом, какой произвела на Веронику новость.

– И? – Неужели дело дошло до предложения руки и сердца?

– Моим понравился.

Ага, пока не дошло.

– Как ты думаешь, можно теперь завязать с ним более близкие отношения? – спрашивает внезапно Полина.

И хотя Веронике отлично известно, что Борис еще не лишил подругу невинности, она делает большие глаза. Столько времени вместе и еще до сих пор ничего не было?!

Полина слегка краснеет.

– Он же интеллигентный человек.

Понятно. Боится последствий.

– И где же вы собираетесь встречаться? – интересуется Вероника.

– Как где? – с упреком смотрит Полина. – Я же тебе говорила, что у него квартира в Цветочном переулке. Однокомнатная.

Вероника, в свою очередь, смотрит на Полину, поражаясь ее наивности. Раз квартира имеется, а до постели дело так не дошло, значит, там, в этой постели, он спит с кем-то другим, с той же сумасшедшей меломанкой, например. А Полину все это время держал про запас, размышляя, что с ней делать – расстаться, в конце концов, или, наоборот, жениться?

Впрочем, стоп. Все это лишь ее домыслы. Вполне возможно, что у Петуховой с Борей все совсем по-другому, не так, как у нее. В самом деле, она этого Борю знать не знает, ну виделись несколько раз, а так вся информация о нем только со слов Полины. Может быть, Боря это вообще подарок, эталон мужчины и мужа. Есть же, наверное, и такие? Тогда они с Полиной два сапога пара. Полина просто создана для семейной жизни. Неудивительно – ей есть с кого пример брать.

У Полины большая семья. Бабушка с дедушкой, папа с мамой, у которых целых три дочери. Еще в их двухэтажном особнячке постоянно кто-то гостит, то родственники со стороны бабушки, то со стороны дедушки, то со стороны папы. Всегда полон дом народу, и все двери нараспашку. Полина знать не знает, что такое одиночество. Уединиться у них никак невозможно. А вот собраться за столом, да всласть побазарить, это – всегда пожалуйста. Когда к ним случается заглянуть, обязательно за стол посадят. В семье все отменно готовят, и мама, и бабушка, и сестры, и папа, и даже дедушка. Да и сама Полина такие котлеты делает, такие торты – пальчики оближешь. Ей нравится готовить. И на хрен сдался ей этот английский с французским? Шла бы в повара или в кондитеры. Хороший повар куда больше учительницы английского получает, не говоря уж о том, что всегда сыт.

– Короче, – снова вспомнила о главном и начала разяснять ситуацию Петухова. – Борис приглашает нас с тобой на концерт. Пойдешь?

Веронике вся эта серьезная музыка по барабану, но взглянув на лицо подруги, она только кивнула.

– После концерта будет небольшой фуршет, и он познакомит нас с этой самой знаменитостью, представляешь? Между прочим, он не женат... – Петухова выразительно смотрит на Веронику, делай, мол, выводы.

– А сколько ему лет? – спросила Вероника.

– Он не старей... – протянула неуверенно Полина. Сколько лет гастролеру она не знала. Упустила как-то из виду этот вопрос. Но она сегодня же спросит у Бори. Боря все про всех знает. И если он говорит, что музыкант не женат, то, ясное дело, не в преклонном же он возрасте.

Если не в преклонном и не женатый, то почти наверняка, голубой, вздохнула про себя Вероника, но вслух согласилась – отчего бы и в самом деле не познакомиться? Может быть, она когда-нибудь поедет в Москву, тогда это знакомство вполне может пригодиться. Этот залетный виртуоз покажет ей достопримечательности.

– Какие достопримечательности? – с негодованием фыркнула Полина. – Тебе муж нужен, или какие-то там достопримечательности?

– Муж, – согласилась Вероника. – И сейчас, как никогда.

– Все шуточки, – покачала головой Полина. – Останешься ты со своими шуточками в старых девах.

– Не каркай! – Наклонившись, Вероника постучала по деревянной ножке стула. – Я хоть завтра готова в загс идти, только вот с женихами проблема...

Рассказать Петуховой или не говорить о Руслане? Ну, хотя бы в общих чертах. Вернулся, мол, парень, с которым встречалась еще до того, как учиться поступила, и что ситуация просто взрывоопасная... Скажу, решила Вероника, может быть, легче станет. И она уже открыла было рот, уже готова была поделиться с Петуховой своими страхами, но тут прозвенел звонок, призывая их на следующую лекцию.

5

Утром во вторник Лиза, как и договаривались с Таськой, не пошла на первую пару, а поехала на улицу Красную, посмотреть «объект», на котором им предстояло работать. Дом был старинный, большой, длинный и имел несколько входов. Один, парадный, смотрел огромной дверью на улицу, две другие двери выходили в заросший кустами внутренний дворик. Туда они вначале и зашли.

– Что за народ, хотя бы номера квартир повесили! – Таська озадаченно переводила взгляд с обшарпанной старой деревянной двери на другую, более новую, обшитую черным дерматином, с маленьким глазком-гляделькой в центре. – По логике, вот эта должна быть...

Она нажала кнопку у дерматиновой двери. Звонок был громким, хорошо слышным даже на улице, но никто не открыл. В квартире рядом звонка не было, но и на деликатный Лизин стук тоже никто не откликнулся.

– Остается та, что с улицы, только как она может быть квартирой номер один, если находится посередине, между двумя другими? – озадаченно наморщила лоб Таська.

Они вышли со двора.

– Давай спросим у соседей, – предложила Лиза. – Вон, дядька как раз у ворот стоит. Может быть, он знает, где тут первая квартира.

Но дойти до мужчины, стоящего у соседних ворот, они не успели. Прямо перед ними, точнее, над их головами, внезапно распахнулось окно, откуда выглянула маленькая птичья головка, украшенная старомодными бигуди, и уставилась на них круглыми очками.

– Не будете ли вы так любезны, сказать, который час?

Таська посмотрела на часы.

– Почти десять, – сообщила, остолбенело пялясь на сморщенное личико. – А... вы здесь живете?

– Разумеется! – с негодованием сверкнула стеклами очков головка в бигуди.

– Это же сорок пятый дом? – спросила Лиза. – Не подскажете, в какой из квартир здесь ремонт?

– Зайдите с парадного входа, – сухо произнесла старушка и со стуком затворила раму.

– Видала? – Таська не могла прийти в себя. – Похоже ей лет сто, а на голове бигуди!

– Ну и что? – не поняла ее изумления Лиза.

– На хрена ей прически делать? Перед кем красоваться-то, спрашивается? Все ее ровесники померли давно!

К парадному входу вели несколько ступенек, покрытых выщербленным мрамором. Дверь была массивной, крепкой, в два полотна, с большой медной ручкой и красивой резьбой, но вся потрескавшаяся и донельзя обшарпанная. Сбоку от нее был прилажен какой-то ключик, как от заводной игрушки, да одно из дверных полотен прорезала щель для писем и газет, но ничего похожего на кнопку звонка найти не удалось. Разозлившись, Таська решительно стукнула по двери кулаком. От удара одна половинка приоткрылась.

– Да здесь не заперто, – произнесла Таська. – Заходи.

Переступив порог, они оказались в крошечном коридорчике, соединенном с большой квадратной прихожей широким проемом. В прихожей было пусто, вся мебель – притаившийся в углу колченогий стул да облезлая белая тумбочка, над которой висело маленькое мутное зеркало. Каждую стену прорезали высокие двери со стеклянными окошечками поверху, сквозь которые и поступал в прихожую свет. Еще горела тусклая лампочка на длинном шнуре, высвечивая покрытые грязными обоями стены.

Таська задрала голову вверх.

– Ну и потолок! Высота четыре метра, не меньше, – вздохнула. – Придется ставить козлы – с лестницы ни за что его не побелишь. И трещины. Значит, сначала придется его шпаклевать. Или это паутина? И куда хозяева подевались?

Словно в ответ на ее вопрос одна из дверей вдруг скрипнула, распахнулась и из недр старинной квартиры вынырнула крупная женщина в сером костюме.

– Здравствуйте. Мы от Ивана Павловича, – представилась Таська.

– Жду вас уже не меньше часа, – не ответив на приветствие, сварливо произнесла женщина. – Договаривались же на половину девятого! Мне давно нужно быть в магазине, а я все здесь сижу, вас поджидаю!

– Адрес нужно точнее указывать. Мы вас еле отыскали, – огрызнулась Таська. – В доме три квартиры и ни на одной двери номера нет.

– Ваш мастер разве не объяснил вам, что вход с улицы? – пожала плечами хозяйка, впрочем, сбавляя тон. – Ну, давайте, смотрите. Прихожая, три комнаты, потом коридор, ванная, туалет...

– Все в таком запущенном состоянии, – покачала головой Таська.

– Что вы хотите, – пожала плечами хозяйка, – дому лет сто, наверное. И лет двадцать, если не больше, никто в нем никакого ремонта не делал. Работы действительно много. А вас что, только двое? – воззрилась на них с недоумением, потом перевела взгляд в сторону прихожей, словно ожидая, что оттуда появится кто-то еще. – Ваш мастер сказал, будет целая бригада.

– Будет, но не сразу. Мы занимаемся только потолками и стенами, – объяснила Таська. – Пришли посмотреть, что делать, и какие нужны материалы. К десяти придут сантехник и электрик. Потом, кажется, циклевщик...

– А начальник ваш когда будет? – хмуря густые черные брови, поинтересовалась хозяйка. – У меня к нему много вопросов накопилось. Нужно посоветоваться.

– Иван Павлович позвонил, что с утра занят, часам к трем заглянет.

– К трем! Мне, что, снова сюда ехать? В этой квартире будет центральный офис. Лицо фирмы и я хочу, чтобы все здесь было на высшем уровне.

– Мы всегда и все делаем качественно, – заверила Таська, продолжая изучать фронт работ. Взгляд ее наткнулся на нишу в стене. – Здесь, что шкаф был?

– Дверь. Вела в правое крыло дома. Раньше весь дом принадлежал одному хозяину, потом его разделили на три части. Левое крыло – одна квартира, правое другая, центральная часть – третья. При разделе эту дверь кирпичом заложили, но не на всю ширину стены, нишу оставили. Сделать в ней шкаф, похоже, руки уже не дошли. Тут старики жили... – Хозяйка развернулась и исчезла в комнате, из которой и появилась.

Девушки последовали за ней.

– Здесь зал.

– Ничего себе... действительно зал! – вырвалось у Лизы.

Комната была метров пятьдесят-шестьдесят, не меньше. Сквозь два огромных окна широкими потоками лился в нее утренний свет, отчего комната, казалась какой-то праздничной, несмотря на паутину в углах, многочисленные трещины на потолке, выцветшие обои в пятнах и ободранный пол.

– А этот ход куда ведет? – спросила Таисия, углядев в углу зала еще одну дверь.

– В третью квартиру. – Хозяйка повернула в сторону двери. – Ее не заложили, потому что старики, бывшие хозяева этой квартиры всю жизнь дружили с хозяйкой третьей квартиры. В гости к ней ходили прямо отсюда, чтобы, значит, дом с улицы не обходить... – Склонив голову, хозяйка некоторое время изучала дверь. – Тоже еще головная боль, как бы ее поэстетичнее задрапировать, чтобы не так заметна была. Не дверь, а целые ворота... Дубовая.

Дверь действительно выглядела внушительно.

– Что тут сложного? – Следовавшая за хозяйкой по пятам Таисия тоже оглядела «ворота». – Дверь выбить, проем заложить.

– Ни в коем случае! – категорично возвысила голос хозяйка.

– Почему? – удивилась Таська. – Вы что, тоже будете в гости ходить в третью квартиру?

– Возможно, эта дверь нам еще понадобится, – последовало туманное пояснение. – Передайте вашему...

– Ивану Павловичу, – подсказала Таисия.

– Да, так передайте ему, чтобы эту дверь ни в коем случае не трогал. Ладно, – хозяйка взглянула на часы и развернулась к выходу. – Мне пора. Ключи в кухне на столе.

– А почему они квартиру продали? – спросила Лиза.

– Кто? – не поняла хозяйка, оглядываясь.

– Те, кто жил здесь до вас.

– Умерли они несколько лет назад, а детям квартира не нужна. Живут в Тюмени и возвращаться сюда не собираются. В нефтяной компании работают, там у них большие деньги, зачем им это старье? Сначала хотели ее для летнего отдыха оставить, но быстро поняли, что для них это будет только лишняя головная боль. Дом старый, разваливается, и очень много в эту квартиру вложить нужно, пока до ума доведешь... ради чего? Не у моря же эта квартира, а в центре загазованного города. Дешевле на Багамы три года подряд отдыхать ездить, чем сделать этот ремонт...

Хозяйка ушла, а Лиза с Таськой еще некоторое время бродили по комнатам, задрав головы, рассматривали потолки с остатками старинной лепнины по углам, прикидывая, откуда лучше начать.

– А чего тебе мотаться каждый день из одного конца города в другой? – спросила Таська, когда они, закрыв огромным ключом входную дверь, тоже покинули дом и направились к остановке. – Ночуй здесь, пока ремонт делаем.

Лиза даже приостановилась.

– А можно?

– Кто запрещает? – удивилась Таська. – Тебе еще и спасибо скажут, за то, что ночами дежуришь.

До чего же Таська практичная, из всего может выгоду извлечь! Лизе бы такая мысль и в голову не пришла. В самом деле, такая экономия времени! И на транспорт не придется тратиться, центр, отсюда же до факультета рукой подать. И вообще, хорошо хотя бы на пару недель свалить из шумной общаги, пожить в одиночестве. Подальше от Шимановой, с ее бесконечной ночной болтовней о мальчиках. А еще... но об этом даже думать пока не стоит. Но вполне возможно, что и Лешка не откажется как-нибудь подежурить с ней. От этой мысли у Лизы почему-то загорелись уши. Хорошо что у нее длинные волосы, а то бы Таська это тут же заметила. Глаза у нее небольшие, но все видят, все подмечают.

Лиза собиралась пойти на вторую пару, и вполне еще успевала, но идея пожить в центре ей так понравилась, что, она, попрощавшись с Таисией на остановке, отправилась не в универ, а поехала в общежитие – собирать вещи.

Когда Таська позвонила и сказала, что есть работа, Лиза вначале не согласилась. Одно дело на каникулах подрабатывать, а другое в начале семестра, когда навалилось столько новых предметов. Но под напором Таськиных уговоров, и вникнув, как следует, в суть предложения, Лиза поняла, что отказываться просто грех. Это был отличный, очень выгодный заказ. У хозяев сеть магазинов, сказала Таська, и денег немерянно. Палыч от радости затрясся, когда узнал, сколько их строительной конторе за ремонт отвалят. Всего каких-то пару недель работы, – к тому же, по полдня всего! – и Лиза сможет оплатить свой следующий семестр. Целый семестр! Против этого аргумента выдвинуть нечего. Таська права. Если твои родители не бизнесмены, а ты учишься на платном отделении, то подрабатывать надо не только на каникулах, но и при всякой подвернувшейся возможности.

Лизе очень повезло, что у нее такая подруга как Таська. С виду невзрачная простушка с конопатым носом, а в голове калькулятор. Лиза и Таська дружили с первого класса, хотя после школы их пути на какое-то время разошлись. После выпускного вечера Таська уехала в областной центр учиться на повара, а Лиза с первого захода в университет не попала. Папина вина, это он настоял, чтобы Лиза поступала на экономический факультет, хотя и Лиза и мама были против. Ну, скажите на милость, какой из нее экономист или бухгалтер с ее-то знанием математики? Точнее, с незнанием. Естественно, не поступила. Вернувшись домой, какое-то время работала в детском саду нянечкой. На следующий год, уже не слушая ничьих советов, подала документы на филфак. Она всегда любила литературу, много читала и сочинения писала на отлично. И перспектива быть школьным учителем ее не пугала. Набор в тот год был маленьким, а конкурс – ого-го! Так что шансов попасть на бюджетное отделение, учиться за государственный счет, почти не было, но на платное она, все же, попала, – не зря всю зиму готовилась! – хотя и туда было много заявлений.

Пока сдавала экзамены, жила у Таисии, которая на удивление быстро освоилась как в городе, так и в самостоятельной жизни. И эта ее, новая, самостоятельная жизнь совсем не походила на ту, которой она жила в деревне – в старом доме с туалетом за сараем, с колодцем вместо водопровода, и большим двором, в котором под чахлыми кустами сирени хозяйничали

куры, гуси и утки. В городе Таська снимала чистенькую однокомнатную квартирку, по которой расхаживала в розовом шелковом пеньюаре и в бархатных тапочках с помпонами. В ванной у нее стояла ванна-джакузи, кухня была полна всяких прибабасов, а угол лоджии занимал велотренажер.

– Все, что внутри, это мое, – с гордостью сказала Таська и добавила с загадочным прищуром, что, может быть, она и саму квартиру со временем выкупит.

– Ага, – пробормотала Лиза, – держи карман шире, так тебе ее и продадут.

Квартира в городе, что дойная корова, каждый месяц денежки капают.

– Не тот случай, – Таська покачала головой. – Хозяйка давно у сына живет, внуков нянчит. А сейчас они всей семьей документы на выезд оформляют, в Германию. Хотят насовсем отсюда свалить, так что эта жилплощадь им уже совсем без надобности. Видела бы ты эту квартиру, когда я сюда только вселилась! Убитая была до невозможности, настоящий бомжатник.

Таська предложила хозяйке сделать ремонт в счет квартирной платы, и та согласилась. Квартиру с хорошим ремонтом дороже продашь. Таське пришлось, конечно, повозиться, зато полгода за нее не платила.

– Сама здесь все сделала, – хвасталась Таська, – даже плитку клала вот этими ручками. Ну, с помощью Толика, конечно.

Этот ее «Толик» – тоже отдельная история. Лиза до сих пор помнила их первую встречу и тот шок, который она при той встрече испытала. И разговор, который состоялся между нею и Таськой по поводу Толика, жив был в ее памяти. Случилось это летом, когда она только-только перебралась к Таисии и готовилась к поступлению.

– Я вас сегодня познакомлю, – сказала как-то вечером Таська, вернувшись с работы. – Он потрясный.

Толик действительно потряс Лизу больше, чем преобразившаяся Таська и Таськина квартира. Она ожидала увидеть какого-нибудь парня, а в прихожую ввалился здоровенный дядька с загорелой до красноты физиономией и лысиной в полголовы. Оставив на полу в прихожей кучу пакетов с продуктами, чмокнул Таську, пожал Лизе руку и исчез также быстро, как и появился.

– У него тренировка, – объяснила Таська. – А потом мы в ресторан идем. Ну, как он тебе?

– Заботливый, – пробормотала Лиза, кивнув на пакеты. – Только... – замялась.

Он же старше Таисии лет на двадцать! Таська и рядом с ней такое?!

– Много ты понимаешь в мужиках, – отрезала Таисия, когда Лиза намекнула о большой разнице в возрасте. – Он мастер спорта, между прочим, покрепче многих сопляков будет. Команду олимпийского резерва тренирует. И вообще все у него в ажуре, дом в три этажа, новая «ауди» и при хороших деньгах. А что до внешности, то, как известно, если мужчина чуть-чуть отличается от обезьяны, можно считать, он уже красавец.

Последние слова Таська явно подобрала в каком-нибудь женском журнале – их целая кипа лежала на столике у дивана, – или из кинофильма какого взяла на вооружение. Не в ее стиле было так выражаться. Раньше, во всяком случае.

Ну, прямо, как в том анекдоте, «не чмо, а мачо», подумала Лиза, но вслух этого не произнесла, поинтересовалась только, почему же он Таисию в свой большой дом жить не взял?

Таська возвела глаза к небу, удивляясь Лизиной глупости.

– Почему-почему! Потому что женат!

– Как – женат? – оторопела Лиза.

– Вот так – женат.

Таська, похоже, просто наслаждалась Лизиной реакцией на такую новость.

– И как жена на это смотрит? – все никак не могла въехать в ситуацию Лиза.

Оказалось, у жены свой друг имеется.

– Я бы так не смогла, – подумав немного, покачала головой Лиза. – Зачем он тебе нужен такой? Старый, женатый...

– Мне он очень даже подходит. А тебе никто ничего подобного и не предложит, – скосив на подругу глаза, усмехнулась Таська. – Для этого нужно быть современной женщиной.

– А я, что, значит, старомодная? – обиделась Лиза.

– Я этого не сказала, – дала задний ход Таисия. – Только до тебя пока еще не дошло, что не каждая пара проходит через загс. Или проходит, но не сразу, а только когда оба поймут, что смогут жить вместе долгие годы, а не побегут, как многие, разводиться через месяц после свадьбы. Ой, Лизка, поживешь в городе, сама поймешь, что при нынешней жизни ничего нельзя оставлять на потом. Жить надо на полную катушку.

– Ну, не знаю... – все сомневалась Лиза. – Если вы так друг друга любите, почему бы ему не развестись с его женой, тем более, что и у нее кто-то есть, почему бы вам не пожениться?

– Зачем? – удивилась Таисия. – Как ты не поймешь, не хочу я замуж! Зачем хомут на шею раньше времени одевать? Нужно для себя пожить, пока молодая, безо всех этих кастрюль, пылесосов и пеленок. И так тяжелой работы хватает.

Насчет работы так и было. Работа у Таськи была не мед. Но платили за нее хорошо. Иначе никогда бы Таисия не смогла купить себе такой велотренажер и так одеваться. Ее мать, тетя Нина, жила очень скромно.

Когда Лиза поступила и перебралась в город окончательно, Таисия повела ее в свое бюро по ремонту квартир. Белить-красить особых талантов не надо, сказала, а обои клеить я тебя научу. Повара из нее так и не получилось. Она теперь занималась ремонтом квартир. Благодаря Таське и Лиза стала время от времени подрабатывать. Это давало кое-какие дополнительные деньги. На пиццу с кофе, на колготки и хорошую косметику, во всяком случае, теперь всегда хватало.

– Ты, что, переезжаешь? – вытаращила глаза соседка по комнате, Шиманова, застав Лизу за сборами. Ну надо же, стоит Лизе пропустить занятие, как и Шиманова в тот же день тоже на лекции не идет! А она так надеялась уйти тихо, без объяснений.

– На пару дней к подруге, – не вдаваясь в подробности, ответила Лиза.

Прихватив спальник и засунув в большой пакет простыни и подушку, она отправилась в дом, где им с Таськой предстояло в ближайшие дни шпаклевать и белить потолки и красить окна.

Прошлась по комнатам, прикидывая, где расположиться. Больше всего ей нравилась та, что утром так потрясла ее своими размерами. Две других были поменьше. Обследовав кухню, Лиза обнаружила во встроенном шкафчике у плиты кое-какую старую посуду, которой вполне можно было воспользоваться, если захочется что-то приготовить. Но начать придется с большой уборки. Повсюду так грязно и натоптано... Лиза отыскала в туалете какую-то древнюю бадью, набрала воды и принялась драить паркет, многослойно крашенный поверху половой краской. Время от времени приходилось останавливаться, чтобы передохнуть, потому что размеры комнаты не позволяли сделать уборку в один присест. Интересно, кто жил в этом доме до революции? Вот было работы прислуге! Натри-ка паркетные полы в такой огромной комнате! А сколько таких комнат было во всем доме?

Письма, также как и уроки английского и итальянского отнимали довольно много времени. Но Лариса знала, что все усилия, вложенные в эти занятия, рано или поздно окупятся, рано или поздно принесут свои плоды. Она будет жить за границей, будет иметь респектабельного мужа, шикарный дом, хорошую машину и будет гулять по магазинам, покупать фирменные вещи, не считаясь с их стоимостью. Ради этого стоило тратить все свободное время

на обширную переписку, ради этого стоило учить иностранные языки. Не только два, а и три, и даже четыре она выучит, если понадобится. Если это поможет найти солидного мужа с деньгами и роскошным домом.

Роберт Делани кажется для этого вполне подходящей кандидатурой. Возраст, конечно, но, как говорил один герой в том фильме с Мэрилин Монро – у всех есть свои недостатки...

Сегодня утром она снова получила от него длинное послание. Жаль, читать его времени не было. Ну, ничего, вечером прочтет, переведет все непонятное со словарем и подумает, что написать в ответ.

– Тебе не кажется, что все это как-то нехорошо, искать для совместной жизни не человека, а его деньги? Не противно будет выходить замуж за какого-нибудь старика? – спросила мама, когда однажды Лариса, по глупости, находясь в хорошем настроении, поделилась с нею – в самых общих чертах, разумеется, – своими планами.

– Ага, папины денежки тебе исключительно во вред, – ядовито заметила обиженная Лариса.

– Я выходила замуж не за деньги, – в свою очередь обиделась мама. – Мы зелеными студентами на первом курсе поженились, у нас обоих тогда ничего не было. А встречались, между прочим, с пятого класса, когда о деньгах нормальные дети вообще не думают.

– Ну, не все такие положительные! – развела руками Лариса. – Лично я ничего плохого в деньгах не вижу. Да и не только я. Откуда поговорка взялась, что каждая девушка мечтает о принце?

Мама пожала плечами.

– Она о принце мечтает, потому что у него, в отличие от какого-нибудь нищего, есть дом, где ей и ее детям будет хорошо, – усмехнувшись, разъяснила Лариса. – И у принца, кроме корки хлеба есть кое-что еще из того, что можно в рот положить. Она о нормальной жизни мечтает, одним словом, а не о каком-то счастье в шалаше, где в первые же морозы, если не замерзнет, то наверняка схватит воспаление легких. Не стала уже говорить о том, что нечего щеголять своей детской любовью «с пятого класса», которая давно и безвозвратно испарилась. Иначе не пугала бы Наташку своими ночными разборками.

Нет, что ни говори, а мама у нее, хотя и добрая, но с какими-то стародавними, еще советскими понятиями в голове. Папа правильно заметил, она навсегда застряла в пионерском возрасте, не понимает, что жизнь с тех давних пор сильно изменилась. А какая слабохарактерная! Сколько раз пыталась худеть, даже на специальные занятия ходила, а толку? Худеет, худеет, а потом еще больше на еду набрасывается и, естественно, тут же снова набирает вес. Лариса не такая. Что касается представлений о жизни, она не в маму, а, скорее, в папу, и все делает, что от нее зависит, чтобы жить по самым высоким стандартам. Если какие-то модели, эти ходячие вешалки для одежды, находят себе богатых мужей, почему этого не сможет сделать Лариса? Пусть она не красавица, но она настойчивая, и кто ищет, тот всегда найдет. А Лариса в самом активном поиске. Но не по барам шатается, как некоторые девчонки, а бродит по интернету.

Она уже и не помнила, кто ей сказал впервые об этих сайтах знакомств. Но это оказалось то, что надо. С помощью Ольги Леонардовны, которая за пять долларов в час натаскивала ее по английскому языку, Лариса разместила в интернете несколько своих лучших фотографий и информацию о себе. Вначале писем приходило много, каждый день по десять-пятнадцать штук. Позже их стало в половину меньше, но и этого количества хватало сверх головы. Приходилось долго разбираться, кто есть кто, откуда и чего хочет – неважно у нее было с английским на первых порах. Если бы не Ольга, вряд ли бы Лариса с таким непростым делом справилась. Ольга очень помогала и вообще многому ее научила, помимо английского. Старая дева, уже за сорок, но мыслит широко, и, главное, современно. Правда, язвительная очень. Иногда и над Ларисой посмеивалась. Наверное, потому и замуж ее никто не взял, что язык как бритва. Зато

английский и французский знала свободно, и на компьютере клала так быстро, что только пальцы мелькали. Одно время работала в миссии ООН, а туда кого попало не берут. Если наметила цель, добивайся своего, не раз повторяла Ларисе. Энергию не распыляй, бей в одну точку, только тогда будет результат. И Лариса добросовестно старалась следовать этим принципам. Не сдаваться, таким был теперь ее главный жизненный девиз. Сидела до поздней ночи, копалась в словарях, чтобы прочитать еще одно письмо. И еще. И еще...

В интернете разные личности попадались. Большинство из них исчезало так же быстро, как и появлялось, несмотря на то, что она добросовестно отвечала на каждый стоящий, с ее точки зрения, вариант. Но и из тех, кто вроде бы проявлял интерес к ее личности и присылал не одно, а пару-тройку писем, тоже не многие задерживались, стоило написать, что цели у нее самые серьезные, и что просто так переписываться она не желает. Но и те, кто указывал в графе о цели знакомства – брак, тоже часто исчезали с горизонта прежде, чем она успевала толком узнать, кто такие и чем занимаются. Поначалу это ставило ее в тупик, поскольку она вначале каждое письмо воспринимала слишком всерьез. Если пишут, что она нравится, и что они хотят узнать ее лучше, то почему замолкают? Может быть, находят, что она недостаточно красивая? Или пишет что-то не то? Со временем до нее дошло, что большинство народа просто развлекается. Убедилась и в том, что серьезных отношений среди ровесников искать не стоит, жениться они не собираются, да и денег больших пока еще не заработали. Среди мужчин постарше были личности с действительно серьезными намерениями. Они обычно присылали не только свои фотки, но и фотографии своих апартаментов в разных ракурсах прилагали, и писали, в отличие от молодых, более длинные послания, в самых радужных тонах расписывая свою полную удовольствий жизнь и свои большие возможности. Правда, сами на снимках выглядели чаще всего жутковато. Неудивительно, что они до преклонного возраста пребывали в одиночестве, несмотря на то, что имели деньги. Еще была категория сексуально озабоченных, которые с самого начала слали письма с пошлыми или откровенно гадкими намеками.

– Таких сразу отсекай, – советовала ей Ольга, – Пусть эти «членистоногие» по порносайтам гуляют и там удовлетворяют свои физиологические потребности.

Лариса так и делала – отчего не последовать умному совету?

Выявилась вскоре еще одна любопытная группа. Те, которые по роду своей деятельности целый день просиживают за компами. Как правило, мужички под сорок и за сорок. Переписка для них что-то вроде перекура во время работы. Сидит себе такой программист или менеджер младшего звена в каком-нибудь офисе, устал от дел, заскучал, вот в качестве разрядки и отвлекается на десять минут от серьезных вещей, то чатиться начинает, то письма девушкам пишет. У таких обычно краткий, легкий стиль, пишут с юмором – насобачились, профессионалы. Пишут строго в рабочее время. По вечерам у них совсем другая жизнь, не виртуальная, а реальная. Дома жена, дети, а по выходным – друзья и барбекю, ну или немного тенниса с рыбалкой. В реале своя жизнь, в интернете – своя, и они их не смешивают. Таких «писателей» Лариса тоже научилась распознавать, и после обмена несколькими имейлами больше им не писала. Чего зря время тратить на заведомо бесперспективные варианты? Несмотря на всю эту муть, на напряжение, с каким читались письма на чужом языке, Лариса твердо верила, что рано или поздно она обязательно выловит свою крупную рыбку из этой бездонной пучины под названием интернет. Были уже кое-какие признаки того, что она на верном пути. Пусть изредка, но появлялись на горизонте подающие надежды варианты. Жемчужные зерна в горе навоза. Вот Роберт, например. Вариант, который на данный момент значился под номером один.

По возрасту Роберт, конечно, относился к категории старперов, но она сделала для него исключение и продолжала ему писать даже после того, как он честно оповестил ее о своем не совсем юном возрасте.

Уже после первого письма Лариса поняла, что в плане серьезных отношений он был очень перспективным, поскольку занимал довольно солидную должность в строительной корпорации. Свидетельство тому, что это есть истинная правда, были присланные им фотографии с заседаний, фото около главного офиса корпорации, а также ссылки на сайт компании, где среди состава руководителей было четко прописано его имя. После того, как она ему ответила, он прислал ей такое письмо, что она сразу поверила, что и он пишет не для развлечения. Был еще один громадный плюс – он, пусть немного, но говорил по-русски! Написал, что его бабушку когда-то давным-давно, то ли в дореволюционные, то ли в послереволюционные годы ребенком вывезли из Одессы. И он тут же позвонил, чтобы пообщаться, сразу же после того, как она сообщила ему свой телефонный номер. Говорил, правда, неважно, с жутким акцентом, но свои знания русского языка продемонстрировал!

На втором месте стояла переписка с Джованни, студентом из Рима, будущим археологом. Он привлек ее внимание тем, что с самого начала просто закидал ее снимками своей любимой родины. И переписываться с ним было легко, его английский был примерно того же уровня, что и у Ларисы. Никаких сложных оборотов, заковыристых слов, как в письмах Роберта. Шутит, описывая свою студенческую жизнь в Вечном городе – в Риме, Рома по-итальянски. Свидания ей уже назначает. На площади Испании, на Пьяцца дел Пополо, у фонтана Треви... ну и так далее. Рассматривая красивые виды, Лариса много чего узнала о столице Италии. Теперь она без ошибки могла сказать, на какой фотографии Собор Святого Петра, а на какой – Замок Святого Ангела, не перепутает Колизей с Пантеоном, древнеримским храмом всех богов. Рим приводил ее в восхищение, хотя она там еще и не бывала, она уже полюбила этот город. Да это и не город, а просто какой-то музей скульптуры и архитектуры. Впрочем, похоже, вся Италия – музей под открытым небом. Все эти бесчисленные дворцы, соборы, фрески тому подтверждение. Жаль, ничего подобного она не может послать Джованни в ответ. Зашла как-то в «Союзпечать», хотела открытки с видами города купить, но так и не купила – такими серыми они показались после ярких фотографий Джованни. Когда ходишь по центральным улицам города, кажется, что город вполне ничего. Симпатичный город. Но стоит посмотреть на его улицы на открытках, поражаешься, до чего уныло они смотрятся, ну за исключением старинных зданий в центре. Увы, надо признать, живет она в обычном, мало чем примечательном городе. Во всяком случае, таким он кажется, если сравнивать его с Римом.

Еще этот Джованни, в отличие от всех прочих, постоянно намекает, что готов прискакать по первому зову Ларисы. Хотя и студент, и денег лишних у него явно не водится. Только что она будет показывать этому любителю развалин и достопримечательностей? Грязные улочки Старого города? Бетонки новостроек? Нет уж, лучше уж она сама в Италию съездит. Вот именно, надо упросить отца обязательно отправиться туда следующим летом. Там она и встретится с этим Джованни. Посмотрит Рим. Заодно посмотрит, как он живет. Должен же он пригласить ее в гости... Она бы его обязательно пригласила, если бы он приехал. Хотя, может быть, и не пригласила бы. Он совсем не в ее вкусе. Ей нравятся парни высокие, с серыми или голубыми глазами. Он же роста небольшого, довольно тощий и глаза у него черные. Нос, к тому же, длинноват. Типичный итальянец, одним словом. «Итальяно веро», как поет в одной песне Тото Кутуньо, которого обожает мама, поскольку певец этот из времен ее молодости.

Да, Италия это хорошо, и жить в Риме, наверное, просто прекрасно, но! Но при одном условии – если у тебя имеются деньги. Имеются ли они у Джованни? По письмам совершенно неясно, какое у него материальное положение, но похоже, что не очень. Живет он с родителями и сестрами. Про родителей ничего не пишет. А вот сестрами хвастается – и Карла и Розетта модельеры, работают в бизнесе, который тесным образом связана с одним из самых крупных итальянских домов высокой моды. И в самом деле, с иронией думает Лариса, кем же еще могут быть молодые женщины, живущие в Риме? Нет, она вполне допускает, что и Карла и Розетта действительно служат в какой-нибудь фирме, и даже более-менее известной фирме, выполня-

ющей заказы дома моды, но, скорее всего, под словом «модельер» скрывается какая-нибудь закройщица или швея. Если бы его сестры и в самом деле представляли из себя что-то значимое, они бы давно уже не жили с родителями. Так же как и Джованни. А так ни они, ни он, похоже, пока не могут себе этого позволить. Так что Джованни, скорее всего, обычный бедный студент. А что может предложить Ларисе студент? Какую-нибудь крохотную квартирку и пиццу на обед? Ну уж нет, такого счастья и здесь навалом. И в перспективе профессия у него не самая крутая. Что-то не слышала Лариса об археологах-миллионерах, живущих в роскошных виллах с большим штатом слуг. Археологи, они как цыгане, все время куда-то едут, по экспедициям мотаются, раскапывают какие-то древние города, древние жилища, роются в древнем мусоре. Это означает, что обустройство собственного дома и весь быт их жены берут на себя. Опять же, жены и детьми занимаются, пока папочки курганы роют. Нет, уж, спасибо, такое счастье не для Ларисы.

Еще писал ей один средних лет американец, который работал в банке. Скучный человек и письма у него скучные, но зато намерения – самые серьезные и карьера на подъеме.

Замыкал же список более-менее постоянных «друзей по переписке» австралийский учитель, который был совсем бесперспективным. Лариса уж никак не собиралась хоронить себя в далекой Австралии. Но учитель был таким симпатичным, можно даже сказать, даже красивым, таким молодым и искренним, писал с таким юмором, что не отвечать на его письма было просто невозможно.

Вначале она писала ответы с помощью Ольги Леонардовны. Вместе они в две минуты стряпали очередное письмо. Но по мере того как послания от «друзей» становились все более длинными и интимными, Ларисе все меньше хотелось выпускать в свою личную жизнь эту зубочистку, кобру очкастую с ее насмешками и шуточками в адрес всех и каждого. В последнее время, вывихивая мозги и обложившись словарями, Лариса пыталась сама составлять короткие ответы. Заметила, кстати, что такие упражнения приносят куда больше пользы, чем чтение учебника по грамматике и простая зубрежка слов. Очень действенный метод обучения. Да и переводить с каждым разом становилось все легче и легче. Конечно, можно носить письма в какое-нибудь бюро переводов, вон их сколько сейчас расплодилось, но, опять же, это посторонние глаза и уши. Еще до отца дойдет... Его «Волшебный замок», также как и его самого, весь город знает. Вдруг кто-нибудь вычислит, чья она дочка?

Отложив учебник и тетрадки, Лариса подтянула к себе ноутбук и щелкнула по папке «фото», чтобы еще раз взглянуть на последние снимки Роберта. На одном из них он стрижет газон в коротеньких шортах. Ясное дело, хочет продемонстрировать свой мускулистый торс. Выглядит он и в самом деле хорошо. Но было в такой откровенности что-то и неприятное. Нет, Лариса не ханжа, только... этот Роберт по возрасту почти как ее отец, а выставляет напоказ свои прелести как двадцатилетний. Лариса подняла голову и посмотрела на висевшую над столом большую семейную фотографию. Там она еще маленькая, с папой и мамой в Детском парке. Просто невозможно представить, чтобы ее отец разместил в интернете на всеобщее обозрение свою фотографию в полуголом виде! Но американцы, они другие. У них культ здоровья и молодости. Сразу видно, что Роберт ходит в спортзал потаскать железо. И бегают по утрам. И письма у него обалденные. Вот в них уж точно никакой пошлости. Жаль только, насладиться ими в момент получения она в полной мере не может, слишком много незнакомых слов и оборотов, которые с первого раза не получается перевести правильно даже со словарем. Лариса вздохнула. Если бы мама в те годы, когда Лариса училась в начальной школе, была немного умнее, она бы усекла, что ребенку в наше время очень важно знать английский и не отправила бы ее в спецшколу с немецким языком, только потому, что эта школа оказалась рядом с их домом. Или, в крайнем случае, на курсы английского бы водила дополнительно, как водит Наташку, образованием которой сейчас так усердно занимается. Да и теннис с гимнастикой ей бы тоже не повредили, была бы сейчас и стройнее и с нормальной осанкой. Но в те времена,

когда Лариса была маленькой, мама не обращала на такие вещи никакого внимания, считая, как и бабушка, что главная задача матери следить за тем, чтобы ребенок был вовремя и хорошо накормлен и тепло одет, и чтобы, не дай Бог, не простудился. Вот и раскормила ее уже в детстве. Что до дополнительных занятий, то, став постарше, Лариса два раза в неделю ходила к жившей неподалеку учительнице по математике. По настоянию папы, который считал, что математика важнее всего всех прочих наук. Может и важнее, только не для нее...

Наташка у них красивая. Не поэтому ли все так с нею носятся? Лариса рада, что сестра у нее такая симпатичная и ей не придется пережить то, что пришлось пережить в начальной школе Ларисе. Впрочем, и школа у Наташки не та, что была у Ларисы – неуютная громадина с переполненными классами, где полно было детей из неблагополучных семей. Наташку возят в маленькую и дорогую частную школу, где в классах не больше пятнадцати человек. Вряд ли там полным детям подсовывают в сумки червячков и лягушек и обзывают жиртрестами. Впрочем, если такое и случается, то не с Наташкой. Сестричка у нее тоненькая, с огромными глазами. Ей всего десять лет, а многие мальчики в ее классе уже хотят с ней дружить. Что и говорить, всем красивым независимо от возраста живется куда легче, чем таким как Лариса. К красивым всегда и везде относятся блажелательнее.

Ларисе же ничего просто так никогда не доставалось. Ни внимание сверстников, ни фигура. До сих пор помнит, как в третьем классе никто из мальчишек не хотел с ней садиться за одну парту. Потому что она была толстая и некрасивая. Бобров так и сказал, не хочу с этим коlobком сидеть. А когда его все-таки с ней посадили, повернулся, сделал зверскую рожу и прошипел: у-у-у, жиртрест! Это сейчас Лариса со всеми ладит, а тогда сдерживаться еще не умела и ударила Бобра пеналом по голове. Чтобы не обзывался. Он ударил ее книжкой. Началась драка, вызвали родителей. Но даже это не подействовало, он все равно, как и многие другие, продолжал ее обзывать. Но неожиданно, просто каким-то волшебным образом подействовало другое. Как-то Лариса принесла в школу шоколадного зайца, и уже снимала с него на перемене фольгу, чтобы съесть, как вдруг заметила взгляд Бобра, который прямо облизывался, глядя на конфету. Не зная почему, она протянула ему этого зайца. После этого оскорбления с его стороны звучали не так часто, а когда она стала снова и снова угощать его на переменах, и вообще вскоре сошли на нет. К концу года полкласса ело из ее рук. Сладости у них в доме не переводились, и она стала таскать их в школу в больших количествах. Они оказались лучшим средством против ежедневных унижений. Еще она списывать всем давала. Потому что ей нельзя было иначе. Ей нельзя было быть гордой, нельзя было фыркать и говорить: отстань, как делали другие, красивые девочки. Ей надо было быть доброй, дружелюбной, готовой всегда прийти на помощь. Она такой и стала, в конце концов. Она платила дань за хорошее к себе отношение. Чтобы иметь что-то ей всегда приходилось и приходится чем-то жертвовать. Вот все считают, что раз ее отец работает в лучшем ресторане города, у нее ну очень сладкая жизнь. Никто не знает, что сладости ей только снятся. Чтобы быть более-менее в форме, ей приходится прикладывать значительные усилия, стараться куда больше, чем другим. Думают, она ходит в самый дорогой спортклуб исключительно ради выпендрежа, как некоторые другие. В этом есть доля правды, но не это главное. Просто в городе больше нигде нет таких классных тренажеров и таких грамотных тренеров. Занятия ведут не закончившие какие-то там курсы девушки или тетki, а классные специалисты и спортсмены. Да, отец дает ей деньги, но, к сожалению, даже большие деньги могут не все. Ей, в отличие от многих девчонок, кому природа за просто так отвалила смазливую рожицу и тонкую талию, чтобы иметь более-менее нормальную фигуру, приходится отказывать себе во многих вкусностях, да еще и истощать себя упражнениями приходится. Самой приходится думать и о том, чтобы не остаться старой девой. И о том, как организовать свою будущую жизнь, чтобы в ней, в этой будущей жизни, все было хорошо и достойно. Она не из тех, кто тешит себя фантазиями и, полагаясь на судьбу,

просто ждет завтрашнего дня. Давно поняла, что в ее жизни никакого принца, который в один прекрасный день приедет на белом коне и увезет ее в сказочную страну, не будет.

Было одиннадцать вечера, когда Лариса, уставшая и полусонная после двух часов у телевизора – сначала был концерт «Музыкальной Волны», а потом какая-то глупая комедия, – поднялась в свою комнату и тут только, разбирая постель, вдруг вспомнила, что завтра тест по английскому. Чертова грамматика! Как она могла забыть? Наскоро почистив зубы и надев пижаму, она улеглась в кровать и со вздохом начала просматривать учебник и тетрадку. Она уже довольно бойко болтала по-английски и на компьютере печатала сносно, – ну, с помощью редактора, естественно, который указывал на ошибки. А вот со всеми этими перфектами-континиусами и прочей грамматической мутой не очень ладила. Все потому, что английский стала изучать лишь в университете, да и то со второго курса, когда поняла вдруг, что он ей нужен больше, чем немецкий. Ее интересовали американцы и вообще, Штаты. Процветающая страна с высокими жизненными стандартами, где она не будет выглядеть белой вороной, поскольку там полно иммигрантов. Разместив свои фотографии на нескольких крупных американских сайтах знакомств, она, естественно, стала получать письма, написанные по-английски. Вот и пришлось срочно переводиться. В группу английского ее брать поначалу не хотели, потому что даже те, кто начал его учить в университете с нуля, за год уже довольно далеко продвинулись. Лариса поклялась преподавателю, что возьмет репетитора и догонит. Надо сказать, что слово она сдержала, к четвертому курсу не только всех остальных догнала, но и перегнала очень многих, потому что помимо англичанки Эвелины Васильевны и репетитора Ольги Леонардовны, теперь были у нее и другие «учителя», покруче. Носители языка, для кого английский был родным. Постоянная практика появилась – чтение и написание писем. Некоторые, особо прыткие «друзья» даже звонили, но поначалу Лариса их совсем не понимала, и ничего им в ответ сказать не могла. Ну, разве что *хеллоу* промывать. Ей позарез нужно было как можно быстрее освоить этот чертов английский. И это подстегивало куда больше, чем желание получить хорошую оценку на экзамене. Она зубрила слова и тексты, по совету репетитора всю свою комнату увешала бумажками, на которых были написаны слова, на полке висела надпись *shelf*, на лампе – *lamp*, на окне – *window*... И каждый вечер ухо тренировала, многократно прослушивая аудиозаписи со словами и короткими текстами.

Постепенно в непонятном потоке чужой речи стали проявляться знакомые слова и фразы, диалоги становились все понятнее. Да и читалось с каждым уроком все легче и легче. Сейчас ее и телефонные разговоры уже не пугали, когда чего-то не улавливала, просто просила повторить слово или фразу. Помимо английского, она стала заниматься еще и итальянским.

Как-то проходя мимо доски объявлений в университетском вестибюле, увидела вдруг объявление о наборе в платную группу итальянского языка. Она даже приостановилась, перечитала объявление раз, другой, третий. Надо же – итальянский! Так необычно. Тут же отыскала нужный кабинет и записалась на факультатив. Почему бы и нет, если один из ее друзей по переписке, хотя и пишет ей письма по-английски, самый настоящий итальянец? И потом, Италия это страна, где очень хорошо проводить отпуск. Там прекрасные курорты, теплое море и вообще, есть что посмотреть. Едва начав посещать факультатив, Лариса тут же стала вставлять в свои короткие послания итальянские слова и фразы, что вызывало бурный восторг со стороны Джованни.

Глаза слипались. Она потянулась, разминая затекшую от неловкой позы спину. Потом отложила грамматiku и выключила лампу. Ладно, как-нибудь... обойдется... ну, тест, ну и что, не первый тест и не последний, завтра разберемся...

Вернувшись из университета, Вероника вынимала из почтового ящика газету, когда вдруг услышала, как на лестничной площадке этажом выше разговаривают соседки. Горластая Олимпиада из десятой квартиры извещала кого-то на весь подъезд, что вчера нос к носу столкнулась с этим наркоманом, ну, который из дома напротив. Отсидел уже, значит, откликнулась вторая. Да, опять начнется в нашем дворе развеселая жизнь, недовольно гаркнула Олимпиада, теперь и детей без присмотра погулять не выпустишь. Детей у Олимпиады было четверо, все в мамашу – крикливые и шумные, и не очень-то она за ними присматривала, к слову сказать...

И хотя ни одна из соседок не упомянула имени, Вероника сразу поняла, о ком идет речь. Народу в их дворе полно, четыре пятиэтажки, многие и знать не знают, с кем в одном подъезде живут, но *он* – *он* был известен всем и каждому. И на все четыре дома не было другой такой, тоже всем известной, квартиры. Значит, жди в гости, мысленно сказала себе, запирая дрожащей рукой почтовый ящик. Не буду подходить к домашнему телефону, решила. А номера ее мобильного он не знает. Не было у нее мобильного в те годы, когда они встречались.

Впасть в отчаяние, думая о фатальных последствиях, которые могло принести возвращение Штыря, Веронике не дал телефонный звонок. Не успела она переступить порог дома, как в кармане у нее зазвучало «У любви как у пташки крылья». Этой музыкальной фразой из «Кармен» в мобильном Вероники обозначалась Петухова.

Положив сумку на столик в прихожей, Вероника нажала кнопку.

– Ты где? Уже дома? – услышался в трубке возбужденный голос подруги. – Не можешь подъехать к Дворцу бракосочетаний? Зачем-зачем... мы сегодня заявление подаем! Боря мне предложение сделал!

Похоже, Полине жутко не терпелось оповестить всех и каждого о таком крупном событии.

– Поздравляю, – уныло произнесла Вероника.

– Подъезжай, слышишь? Отметим!

Мало ей своих, домашних, еще и ее зовет. Пусть все, весь белый свет знает, какой у Полины Петуховой праздник! – с грустной иронией подумала Вероника. И хотя снова тащиться в город ей меньше всего хотелось, она согласилась подъехать к Дворцу. Это было лучше, чем сидеть в своей комнате в мучительном ожидании, а вдруг *он* заявится к ней прямо домой?

– Когда? – спросила только.

– К трем.

– Раньше об этом нельзя было сказать? – Вероника взглянула на часы. – Почти два.

– Я не была сегодня на занятиях, – виноватым голосом произнесла Петухова. – Я... я вчера осталась у Бориса, ну, ты понимаешь... А утром он сделал мне предложение.

– Вообще-то, в правильных книжках все делается как раз наоборот, – усмехнулась Вероника.

– Да ладно тебе! – хихикнула Полина. – Представляешь, просыпаюсь, а мне кофе в постель и букет белых роз! Пока я спала, сбегал за ними на цветочный рынок!

– Прямо как в кино, – с иронией произнесла Вероника.

– Ага! – не заметив насмешки, радостно откликнулась Полина. – Короче, – понизила голос, – мы сейчас у нас дома. Борик хотел, чтобы все было по правилам, он даже пиджак одел и галстук! И – только не падай! – сбрил бороду! Видела бы ты папку! Он сначала дар речи потерял, приходит на обед, а тут мы его поджидаем, и Борька так торжественно просит моей руки!

– Отдал?

– Что – отдал?

– Что-что! Руку твою?

Полина рассмеялась.

– А куда ему деваться! Разволновался, бедный, но согласился. А мама – ты же ее знаешь, – сразу давай стол накрывать. Но мы решили, сначала съездим и заявление подадим. Да, я что еще хочу сказать, будешь свидетелем на нашей свадьбе?

– Ты еще спрашиваешь?!

– Все! Жду! – Полина отключилась.

Так похоже на Петухову – что на уме, все сразу и выложила. Прямо мексиканский сериал... «Я прошу руки вашей дочери, дон Педро». «Благословляю вас, дети мои...» Стол накрывают, празднуют. Хотя до свадьбы еще дожить нужно.

Она оставила дома сумку с книгами и, наскоро глотнув кефира с черствой булкой, заспешила на остановку. Сидя в полупустом троллейбусе, который вез ее обратно в центр, размышляла по дороге о несправедливостях судьбы. Чем, спрашивается, она хуже Петуховой, которой жизнь, ни за что, ни про что отвалила всего полной мерой? И семью на зависть, и уютный дом, в который всегда хочется возвращаться. И двух сестер-подружек, с которыми можно поделиться и радостями и проблемами, а сверху еще и Борьку-музыканта в виде бонуса положила. И свадьба у Петуховой будет такая, как положено, с платьем, гостями, подарками, с шикарным столом, кучей фотографий и видеофильмом на память потомкам. Родители уж выложатся, все сделают для любимой дочери. Впрочем, у них все три дочки любимые, просто Полина старшая и первой замуж выходит.

Нет, никакой зависти к Петуховой Вероника не испытывала, но саднило слегка где-то внутри и легкая горечь отравляла-таки настроение, мешала целиком и полностью радоваться за подругу. Потому что все это происходило как раз в тот момент, когда не Полине, а ей, Веронике позарез нужен муж, именно ей, а не Полине нужно во что бы то ни стало выйти замуж. Сквозь окно троллейбуса Вероника взглянула в по-летнему голубеющее небо. Боже, ну пошли мне хотя бы фиктивный, брак! То что для Петуховой лишь еще одна радость, пусть и большая, для нее, Вероники, можно сказать, вопрос жизни и смерти. Нет, конечно, Штырь ее не убьет, но ведь и жить нормально не даст. Будет преследовать, угрожать, требовать, чтобы она снова к нему вернулась... иначе, зачем звонил? Ее передернуло – жить с ним равносильно смерти.

Когда она, наконец, добралась до Дворца бракосочетаний, Петухова с Борькой, взявшись за руки, топтались у центрального входа. Оказалось, пока Вероника добиралась, они уже заполнили все необходимые бланки и теперь поджидали ее. И тут им повезло – никакой очереди не оказалось. Борис – действительно в пиджаке и в галстук с такой жаркий день! – со смущенной улыбкой на чисто выбритом лице, кивнул в сторону винного подвальчика: может, по бокалу вина?

– Боря! – с упреком произнесла Петухова. – Какой подвальчик?

Удивительно, как меняется человек под влиянием обстоятельств. Еще вчера Полина плющом вилась вокруг своего Борика, а сейчас, после того как подали заявление, в голосе уже проскальзывают командирские нотки. Еще вчера Полина бы послушно кивнула на предложение Бори, потопала бы в подвальчик, как миленькая. Но то было вчера. Сегодня они уже помечались ролями, сегодня Полина решает, что им делать. Похоже, Боря это тоже почувствовал, потому что взглянул на Веронику с некоторым смущением.

– Нас же дома ждут! – настаивала Полина. – Там и выпьем. Идем, Вероника.

Веронике ехать к Петуховым не хотелось. Далековато. Да и помолвка, или как это там называется, торжество все же больше семейное.

– Ну да, – с недоумением взглянула на подругу Полина. – Но ты-то тоже не чужая. Верно, Боря?

Боря послушно кивнул: ну, разумеется!

Слова Полины почему-то тронули Веронику. Нет, Полина все-таки замечательная. Она заколебалась. В самом деле, что дома делать, подумала. Есть нечего, надо еще что-то соображать, а у Петуховых всегда накормят. Ладно, кивнула, и довольная Полина подхватила ее под

руку. Борис тем временем остановил машину, и уже через десять минут они оказались у дома Полины.

Когда они вошли в заросший виноградом двор, дым там уже стоял коромыслом в прямом и переносном смысле слова. В углу двора готовились шашлыки. Судя по красному лицу, видимо, уже принявший на грудь папаша, помешивая угли, и нанизывая на шампуры мясо вперемешку с луком и помидорами, развлекал анекдотами куривших рядом мужчин.

Поздоровавшись, они прошли в дом. Вероника, конечно, знала, что у нее много родственников, но никак не ожидала увидеть такое количество народу. Петуховский клан в сборе выглядел внушительно. Несколько женщин возилось у плиты. Мама и сестры Полины носились из кухни в комнату и обратно, накрывая к праздничному ужину огромный стол, Веронику тоже обрядили в какой-то фартук, усадили около кухонного стола, дали нож и доску и подпрягли резать хлеб.

Прямо свадебные приготовления, удивлялась она, глядя на всю эту суматоху. Хотя до свадьбы еще – ого-го! Сентябрь за окном, а свадьба будет только в ноябре. Но никому, кроме нее, Вероники, и в голову не приходит, что за два месяца можно еще десять раз поссориться, три раза разойтись, найти нового жениха и снова подать заявление в загс. Впрочем, такое могло бы произойти в жизни Вероники. А для Петуховой и Бориса, как и для родителей Полины, похоже, все происходящее торжественно, серьезно и необратимо. Святое дело – рождение новой семьи. Именно поэтому Полинин папаша и достает из холодильника шампанское, поэтому и рассаживается орава родичей – человек двадцать, если не больше! – за безразмерным столом. До того, как Вероника впервые попала в этот дом, она даже не подозревала, что существуют столы таких размеров. Нет, в кино она такие, конечно, видела, но чтобы в обычной и совсем небогатой семье? Монстр этот и раздвигался как-то по-особенному – на все четыре стороны, и стоял в отдельной, совершенно пустой комнате, которую именовали столовой, хотя ели обычно на кухне, теснясь за маленьким столом. Но оказалось, что и стол нужен и столовая иногда используется по своему назначению...

– Ну, что, у всех налито? – Отец Полины поднял бокал. – Тогда выпьем. Выпьем за мою старшенькую, – глаза его подозрительно блеснули, – за Полинку и за человека, который, я надеюсь, сделает счастливой не только ее, но и всех нас. За Полину и за Бориса!

Все стали приподниматься со своих мест, тянули руки, чтобы чокнуться с виновниками торжества. Полина и ее Борис, глядя друг на друга, сияли как два пятака.

Вероника внезапно ощутила себя лишней на этом празднике. Посидев еще немного, она стала потихоньку отъезжать на своем стуле от стола. Полина подняла на нее удивленные глаза.

– Мне уже пора. Правда, нужно идти, – тихо произнесла Вероника. – Поздно уже.

– Ты что? – изумилась Полина. – Даже и не думай! Ужин закончится, фотографироваться будем! Наш альбом с этого дня будет начинаться, да, Борик? – Борис, который в это время, склонив голову набок, внимал будущему тестю, вряд ли слышал, о чем они говорили, но, тем не менее, послушно кивнул. – Ты обязательно должна быть на этих фотографиях! А вечером мы с Борей тебя до троллейбуса проводим.

На следующий день Полины на занятиях снова не было. Похоже, празднование не уместилось в рамки одного дня. Вероника в тягостном одиночестве отсиживала лекции. Вокруг полно народу, а не с кем даже словом переброситься. В то время как ей, как никогда, очень хотелось с кем-то поговорить. О чем угодно, только бы не оставаться наедине со своими мыслями. Но за все годы учебы она так и не завела себе друзей среди тех, с кем училась. Большинство девчонок ее откровенно недолюбливали, хотя она никому ничего плохого не сделала. Ну, за исключением того, что в отличие от многих, родилась красивой. Парней же было, раз два и обчелся, да и те – каждый со своим вывихом. Нормальные парни на филологический факультет не идут. Кое-кто по благу сюда попал, чтобы только где-то зацепиться и в армию

не загреметь. А всякие гении недоделанные, вызывали у Вероники чуть ли не отвращение. Строят из себя поэтов-писателей... кривляки. Апломба хоть отбавляй, а копни глубже – ничего в них настоящего. О чем они могут писать, если и жизни-то не знают? У кого мозги работают, те в технические вузы поступают. В медицинский университет идут, или на юриста учатся, чтобы потом деньги зарабатывать. Вероника с тоской огляделась. Почему у нее всегда такое ощущение, что она, словно под невидимым прозрачным колпаком, сквозь который ей к другим не пробиться?

После занятий идти сразу домой не хотелось. Теплый солнечный день, в такой только гулять и гулять. Но главное даже не в том, что после утра, проведенного в здании университета, хотелось побыть на свежем воздухе. Она просто боялась идти домой. Ей казалось, что Штырь уже караулит ее в подъезде. Или на лестничной клетке. Сто процентов, он явится раньше, чем обещал. И безо всяких предварительных звонков. Надо быть начеку, теперь каждую минуту надо быть начеку. Господи, да я ведь так и с ума сойду, испуганно подумала Вероника, поймав себя на том, что, не пройдя от университетского корпуса и половины пути до остановки, она уже, наверное, в сотый раз оглядывается. Нужно с этим что-то делать. Иначе не избежать черной депрессии, с которой Вероника уже была знакома.

Лёня сейчас на работе, дошло до нее вдруг. Вот что – она поедет к нему. Пусть он ее и не ждет, она все равно поедет. Посидит у него в кабинете полчаса под видом пациентки. Может быть, он даст ей таблетку успокоительного. У него наверняка есть. У нее тоже были, но закончились. А ей сейчас нужно успокоить нервы, чтобы без паники все тщательно обдумать. Ведь есть же какой-то выход. Выход есть всегда – нужно только его найти. Нужно хорошенько подумать. Мысли ее снова закружили по кругу, разорвать который никак не удавалось. Одно ясно, что-то нужно делать и срочно.

Нужно или найти кого-то, кто мог бы сойти за ее мужа, или – или уехать. Второе даже предпочтительнее. Говорят, новая обстановка дает новые силы и новый взгляд на вещи. Вот только ехать ей, к сожалению, некуда. Но даже если бы и удалось найти каких-то знакомых или дальних родственников, которые согласились бы приютить ее на какое-то время, где найти деньги, чтобы купить билет, чтобы продержаться какое-то время, пока она найдет себе работу? У матери есть деньги, но она, скорее всего, не даст. Начнет выпытывать, с чего это Вероника решила вдруг бросить учебу? Рассказать ей о Штыре? Нет, нет это невозможно! – пробормотала она и даже головой из стороны в сторону помотала. Сидевший рядом с ней на одном сиденье мужик удивленно покосился в ее сторону. Вероника отвернулась и стала смотреть в окно. Рассказать матери о Штыре было также невозможно, как и вернуться к Штырю. Нет, к матери не стоит и обращаться. Наперед известно, что она скажет. Скажет, учись, заканчивай, университет, зря я, что-ли столько денег в учебу твою вложила? Да и Веронике самой бросать учебу на четвертом курсе тоже не хотелось. Всего ничего оставалось до диплома. Диплом это вероятность хорошей работы, а без диплома всегда будешь чувствовать себя неудачницей. И другие так будут считать. Вот, мол, тупица, ума не хватило доучиться. Можно, конечно, перевестись на заочное отделение, но для этого нужна веская причина. Так просто ее не переведут. И академотпуск так просто не дадут. Нет, с отъездом ничего не получается.

А раз не получается, остается один выход – сделать так, чтобы все то, о чем Вероника говорила Штырю, стало правдой. Она сказала ему, что у нее появился другой. Жених. Почти муж. И надо его найти. Это должен быть сильный парень, спортивного телосложения. Лёня, даже будь он и неженатым, на эту роль никак не годился. Ни внешне, ни по характеру. Не боец.

Кто еще на горизонте? Антон Гуменюк. С первого курса бежит за ней как собачонка. Но и он не подходит. Штырь его одним взглядом по стенке размажет. Еще есть Ромка, по прозвищу Барбос, с физфака, с которым она встречалась до Лёни. Этот мог бы защитить ее, с виду здоровый, только они давным-давно не виделись, скорее всего, у него уже есть новая девушка. Да и расстались не самым лучшим образом. Она его бросила ради парня из юридического,

с которым познакомилась на дискотеке. Да и не подвернись тогда Дениса, все равно бы его бросила – надоед. Скучный, туповатый, одни тренировки на уме. Еще о диетах все время говорил... Как после этого к нему подойти и предложить, не хочешь стать моим фиктивным мужем до той поры, пока настоящего не найду? Это было бы даже смешно, если бы не было так страшно.

Вероника поднялась и стала пробираться к выходу. До больничного городка оставалась одна остановка.

Эх, найти бы себе, и в самом деле, настоящего мужа! Чтобы раз и навсегда. Но такая публика в общественном транспорте не ездит. Людмила, будь она более заботливой матерью, могла бы, конечно, о дочери позаботиться, кого-нибудь стоящего подыскать. Познакомить Веронику с каким-нибудь крупным менеджером, а еще лучше – с банкиром. К ним в клинику ходят не только женщины. Имеющие деньги мужики тоже заботятся о своей внешности. Но мать ведь и пальцем не пошевелит. Веронике всегда приходится рассчитывать только на свои силы.

– Выходите? – кто-то бесцеремонно толкнул Веронику в спину, вернув к действительности.

Боже мой, одернула она себя, о чем я думаю? Какие банкиры, какие менеджеры?

Автобус остановился, Вероника вышла около больничного городка и по длинной дорожке направилась к центральному корпусу, продолжая перебирать в уме всевозможные варианты. Голова шла кругом. Этот гад... этот гад одним своим звонком сделал из нее психопатку. И если она сейчас не устоит, то вообще закончит сумасшедшим домом. Нет, она не позволит ему ломать свою жизнь. Назад дороги нет. Нет, нет, выстукивали каблучки. Значит, нужно действовать. Думай, Вероника, думай. Ты умная.

Она поднялась на третий этаж, где размещалась поликлиника. У кабинета уролога сидело трое пожилых мужиков. Вероника бросила на них быстрый взгляд, подавила вздох. Таких не пересидишь. С простатитами, наверное, голубчики, или с пропитыми почками. С каждым по часу Леня будет возиться, не меньше. А как же иначе? Он врач серьезный, и очень внимательный, за что и ценят. Но так нужно его повидать...

– Доктор до которого часа принимает? – поинтересовалась ангельским голосом. Такую публику лучше не раздражать.

Все трое как по команде повернули головы в ее сторону, ощупывая взглядами. Смотрите, смотрите. Дома-то, наверное, вас старые гримзы дожидаются. Если вообще кто-то ждет.

– До шести, – хмуро ответил сидевший с краю толстяк с красным лицом. – Только он сказал, что скоро уходит на консультацию. На час, не меньше, – добавил предостерегающе.

– Он и нас, может, до конца рабочего дня не успеет принять, – неприязненно оглядывая Веронику, произнес его тощий лысый сосед. Дескать, и не надейся, без очереди не пропустим.

И тут облом. В другой раз она нашла бы предлог пробраться в кабинет. В конце концов, позвонила бы Лёне по мобильному, хотя он и не любит страшно, когда она делает это в часы приема. Но тут вдруг почувствовала, что просто не в силах еще что-то предпринимать. Какая-то апатия вдруг охватила. Как будто у нее внезапно кончился запас сил. Очень устала и голодна, как черт. Ну да, время обеда, надо бы подкрепиться. Денег в обрез, поэтому, как ни крути, обедать придется ехать домой. Развернувшись, направилась к лифту. Еще мгновение и она вошла бы в кабину и уехала бы, несолоно хлебавши, но тут позади раздался знакомый голос. Она слабо улыбнулась – есть Бог на свете. Оглянулась.

Лёня, в белом халате и в шапочке.

– Ты ко мне? А почему не зашла?

Он еще и удивляется!

– Зайдешь к тебе, когда такая очередь.

– Сегодня большой прием, – кивнул он с озабоченным выражением лица. – Тут еще в урологию вызывают на консультацию. Какой-то сложный случай. А ты здесь как оказалась... по делу?

– Мимо проходила, – усмехнулась Вероника. – Дай, думаю, к доктору зайду, помощь нужна.

– Что-то случилось? Надеюсь, ничего серьезного?

Настороженный взгляд. В голосе неподдельная тревога. Сказать ему или не говорить? Скажу, решила. Нужно же с кем-то поделиться... может быть, станет легче. Но в этот момент дверь одного из кабинетов открылась и по коридору в их сторону засеменила полная женщина в белом халате с бумагами в руках. Лицо у Лёни мгновенно изменилось, стало деловитым, даже его фигура вдруг приобрела какой-то официальный вид.

– Значит, не забудьте сдать анализы, – произнес он «докторским» тоном. – Придете в пятницу. В пятницу я работаю до обеда.

Не обратив на них никакого внимания, тетка в халате прошлепала мимо и скрылась в кабине лифта. Стоило так стараться! Веронике стало как-то неловко за Лёню, стало неприятно. Для кого вся эта комедия? Вероника поняла, что ничего ему не скажет. Зачем? Он все равно ее не услышит. Да, он действительно внимательный. И заботливый. Только не о ней он заботится. Он всегда – всегда – беспокоится только о себе. Все для себя и только для себя, любимого. Она для него вроде тайного десерта, которым очень хочется полакомиться и, в то же время, хочется остаться безнаказанным. Он не просто перестраховщик, он трус! Боится, что кто-то узнает о его похождениях. Боится слухов. Боится жены. Боится, что Вероника будет его шантажировать. Скажет, например, что беременна.

– Все в порядке. Разволновалась перед зачетом. Просто дергает, – соврала Вероника и зябко повела плечами. – Сегодня, вот, всю ночь не спала.

– Ну, это дело поправимое, – вздохнул облегченно. – Ты, вот, что, ты меня здесь подожди. Постой у лифта, я тебе быстренько рецепт выпишу.

И рысью назад в кабинет.

Ну, что ж, с поганой овцы хоть шерсти клок, угрюмо подумала Вероника, подпирая стенку у лифта. Рассчитывала на таблеточку, а ей сейчас рецепт на целую упаковку пилюль дадут. А они ей очень нужны, учитывая ситуацию. Она и в самом деле стала плохо спать по ночам. А уж днем как нервничает!

– Вот, – протянул бумажку. – По одной три раза в день, не больше.

Взяв рецепт, она демонстративно чмокнула Лёню в щеку. Он слегка отстранился и снова тревожно заглядывался. Вот так всегда, только оставшись с ней в темной комнате и закрыв двери на ключ, он дает волю своим настоящим чувствам. В других местах он ее «не знает». На этот раз, не обнаружив никакой опасности, Лёня тут же успокоился и снова проявил свою фирменную заботливость.

– Не злоупотребляй.

Осторожно поправил ей волосы.

– Пока еще есть голова на плечах, – зло фыркнула Вероника, отстраняясь.

Это Лёнино прикосновение, также как и его слова вдруг вызвали необъяснимый прилив раздражения. И сам он стал ей почему-то неприятен. Скажи себе правду: Лёня совсем не тот, кого хотелось бы видеть рядом в эти трудные дни. Но что делать, никого более достойного на горизонте нет. Войдя в лифт, она повернулась к Лёне лицом и заставила себя улыбнуться. Он кивнул в ответ и нажал кнопку другого лифта. Ей вниз, ему вверх. Не по пути.

Оказавшись на улице, Вероника направилась к центру пешком. Ей захотелось пройтись, развеять свое хреновое настроение. Тем более, что погода стояла замечательная. Забыть о Штыре, да и о Лёне забыть. Посмотреть на витрины магазинов. Это иногда развлекает. Попутно и лекарство в центральной аптеке купить.

– Как у тебя сегодня со временем? – наклоняясь в сторону Лизы, тихо поинтересовался Лешка, пока они корпели над тестом по английскому. – После занятий никуда не спешишь?

Она пожала плечами. Куда она могла спешить после занятий? Ну, разве что в кафе, пообедать. Пока ремонт не начался, она была совершенно свободна.

– Тебя ждет сюрприз, – многозначительно произнес Лешка.

– Хороший? – Лиза на мгновение оторвалась от английского текста, из которого следовало как можно скорее выудить правильные ответы на вопросы второго задания.

Лешка приподнял брови, прикрыл глаза и покачал головой, что, по-видимому, означало: еще какой!

Эвелина Васильевна, по кличке Клэвэ Эва, оторвалась от очередного английского романа, – она их часто читала во время уроков, раздав студентам письменные задания, – и строго посмотрела в их сторону, взглядом призывая к тишине.

– Что за сюрприз? – едва слышно спросила Лиза, выждав пока Клэвэ Эва снова погрузится в чтение.

По Лешкиному лицу ясно было, что его просто распирало, так хотелось поделиться новостью, но, сделав героическое усилие, он устоял. Пробормотав «скоро узнаешь», склонил голову и стал выписывать из текста какое-то предложение. А сам улыбается, барбос.

– Я же до конца занятий умру от любопытства, – возмущенно пыталась устыдить его Лиза.

Конечно же, без толку.

Сколько она ни упрасивала – и в перерывах, и на второй и на третьей паре, – приоткрыть страшную тайну, ну, хотя бы намекнуть, в чем дело, – Лешка мужественно держал рот на замке. Почесывал то затылок, то подбородок и время от времени с нетерпением поглядывал на часы.

– Зачем тогда надо было говорить об этом? – сердилась Лиза. – Если знаешь, что тебя что-то ждет, пусть и не знаешь, что именно, это уже никакой не сюрприз, – пыталась ему доказать.

В самом деле, что это за сюрприз такой, когда исходишь любопытством целых три пары? Это уже не сюрприз, а сплошное мучение. Но Лешка на все эти аргументы никак не реагировал, оставался нем, как рыба. Лишь после занятий, когда после полутемной аудитории они вышли на улицу в теплый и яркий день, он, приостановившись на ступенях, торжественно вытянул вперед правую руку и объявил:

– Вот!

– Памятник Ленину на центральной площади, – засмеялась Лиза.

– Да ты не на меня смотри, – с досадой потряс рукой Лешка. – Туда, туда смотри!

Лиза повернула голову в ту сторону, куда указывала длинная Лешкина рука, но ничего особенного не увидела. Клумбы во дворе, золотистая листва высоких кленов, машины под стенами университета, чуть – дальше толпящийся на остановке народ. Что могло быть интересного в этой обычной картине?

– Какой-нибудь особенный «джип-чироки» на стоянке? – догадалась, наконец, еще раз obeжав взглядом указываемое направление.

– Какой там «чироки»!

Возмущенный ее непонятливостью Лешка сбежал по ступеням, и через несколько мгновений, действительно, оказался на стоянке. Лиза и оглянуться не успела, как хлопнула дверца, заработал мотор. Лешка, счастливый и гордый, хотя и старался это скрыть, выскочил из салона и постучал по верху машины. И тут до Лизы, наконец, дошло. Эта же его «Антилопа-Гну-2» – или как там он ее назвал? «Летающий Дракон»? «Крылатая Акула»? – готова! Она почувствовала, как и ее губы расплываются в ответ на широченную глупую улыбку Лешки, с какой он

демонстрировал ей свое произведение. Когда она подошла ближе, он обошел машину и распахнул для нее вторую дверцу, попутно демонстрируя и салон.

– Ну, как?

Ему явно хотелось похвал. Просто напрашивался на них. И, надо сказать, он их вполне заслуживал. Машина сверкала, как елочная игрушка. Оглядев блестящую поверхность, изрисованную по бокам и сзади замысловатыми рисунками, заглянув внутрь, Лиза совершенно искренне ответила:

– Нет слов! Собрать такое из металлолома!

– Скажешь тоже, из металлолома, – усмехнулся Лешка. – Из металлолома мы с отцом только кузов извлекли. Зато какой! «Победа» первого выпуска! Там знаешь, какое железо? Сейчас из такого и для самых крутых тачек корпуса не делают. Все остальное – новье! – обошел своего мустанга, любовно поглаживая корпус.

Мотнул головой.

– Давай, садись! – Шлепнулся на сиденье. – Сейчас эта лошадка повезет тебя кататься!

– Она точно в порядке? – опасливо поинтересовалась Лиза.

– Не волнуйся. Тачка прошла все испытания. Работает как швейцарские часы. Ручная сборка!

– Только сильно не гони, – предупредила Лиза, устраиваясь рядом.

– Где тут гонять? – усмехнулся Лешка. – Светофор на светофоре. Вот выберемся за город...

Он собрался ехать за город!

– А просто по улицам покататься нельзя для первого раза? – спросила Лиза. Как-то ей не верилось, что собранная в гараже машина может ездить также хорошо, как сделанная на заводе.

– В городе мы не кататься будем, а в пробках торчать.

Когда машина тронулась, Лиза мысленно перекрестилась. Все-таки машина была не совсем настоящая. Мало ли что.

– А салон тебе как?

– Впечатляет, – огляделась Лиза, хотя не знала назначения и половины тех прибабасов, которые окружали ее внутри Лешкиной машины.

– Я тебя тоже научу водить, – лучась довольством, пообещал Лешка. – А потом новую тачку для тебя соберем.

– Из металлолома? – съехидничала Лиза.

– Из запчастей!

Перебрасываясь шутками, они действительно медленно, тормозя у светофоров и пешеходных переходов, проехали несколько переполненных транспортом улиц, прежде чем выбрались на широкий проспект, ведущий к железнодорожному вокзалу. Но прошло еще не менее получаса, прежде чем оказались, наконец, за городом. Миновав отворот на аэропорт, Лешка ткнул пальцем в какую-то кнопку, и салон наполнила громкая музыка в силе «техно». Лиза такую не любила, но, удивительное дело, сейчас она оказалась созвучной моменту. Лешка увеличил скорость. И вскоре Лизе стало казаться, что они не едут, а летят над трассой. Все быстрее и быстрее мелькали за окнами тесно стоящие пригородные дома, потом их сменили дачные участки. Потом исчезли и дачи, лишь стремительно бежали вдоль обочин дороги желто-зеленые пятна кустов и деревьев, за которыми, простираясь до самого горизонта, медленно разворачивались широкие холмистые пространства, расчерченные аккуратными квадратиками желтых полей, еще зеленых виноградников и фруктовых садов. А ведь и в самом деле, здорово, удивленно подумала Лиза, глядя на все это великолепие из окна.

В деревнях, сквозь которые они время от времени проезжали, еще жили летней жизнью маленькие, расположенные у дороги базарчики, на которых торговали овощами, фруктами и последними в этом сезоне арбузами.

– Давай что-нибудь купим, – предложила Лиза. – Есть хочется. Мы же так и не пообедали.

Лешка послушно притормозил у очередного базарчика. Выбравшись из машины, они купили две большие пресные лепешки, яблок, груш, пару кистей винограда. Подумав, Лешка попросил взвесить еще и арбуз.

– Арбуз зачем? – удивилась Лиза.

– Почему нет? – в свою очередь удивился он.

– Да есть его в машине – одна морока, только перепачкаешься. И резать его чем-то нужно.

– Найдем.

У Лешки все было продумано. В специальном отделении оказался и нож, и пластиковые тарелки и вилки с ложками. И даже салфетки. Тщательно протерев салфеткой грушу, Лиза почистила ее и уплетала с аппетитом, время от времени угощая и Лешку, кладя кусочки груши ему прямо в рот, поскольку руки у него были заняты рулем, а глаза дорогой.

Но вот слева на горизонте появилась узкая серо-зеленая полоса. Она ширилась, приближалась, терялась временами за косогорами и вновь появлялась. Море словно играло с ними в прятки, то выглядывая, то снова исчезая. Миновав длинный высокий забор, ограждавший огромную строительную площадку, на которой возводился, как гласило объявление на большом щите, очередной пансионат, они съехали с трассы и по разбитой колее, извивающейся между серо-серебристыми кустами лоха, добрались до морского берега. Смолк мотор и музыка, их окутала удивительная тишина, которую лишь подчеркивал едва слышный в машине, мерный шелест набегающих на берег волн.

– Даже не верится, что совсем недавно здесь народу было – яблоку негде упасть, – сказала Лиза, глядя сквозь лобовое стекло на мерцающее, слепящее светом пространство.

В одно из августовских воскресений отец привозил их сюда с мамой искупнуться. Сейчас пляж был почти пуст. Лишь редкие любители солнца разбавляли его пустынную там и сям. Особенно закаленные, раздевшись, добирали последний загар на расстеленных на песке полотенцах, да на ржавых сваях старого полуразрушенного пирса сидело несколько рыбаков с удочками.

– Станция Березай, кто хочет – вылезай, – произнес Лешка, распахивая дверцу.

Лиза последовала его примеру. Если бы не свежий ветер, было бы даже жарковато. Лиза разулась и, оставив туфли в салоне машины, босиком направилась к широкой влажной полосе песка, вошла в воду, но, тут же, быстро выбралась обратно – несмотря на все свое сияние и летнюю прозрачность, вода оказалась холодной. Лешка, прежде чем последовать за Лизой к берегу, тоже снял кроссовки, достал арбуз и хлопнул дверцу. Собрал крупные камни и, выложив у самой воды каменный круг, поместил в него арбуз. Пока тот охлаждался, они медленно побрели вдоль моря. Как тогда, летом, когда жили у моря в палатке. Летом, бывало, тоже вот так бродили у воды, разглядывая намытые волной камешки. Или бегали по кромке прибоя, брызгали друг на друга. Случалось, Лешка внезапно хватал ее и затягивал дальше, и они барахтались на мелководье, хохоча, как безумные. Никогда раньше Лиза не чувствовала себя настолько счастливой. Вернуть бы те деньки. Казалось, только вчера это было, а вот уже и осень. Почему нельзя жить вот так просто, на берегу, питаясь дарами моря и тем, что растет около?

С легким шипением набегали на берег волны, двигая туда-сюда разноцветные камешки. Лиза шла, наклонив голову. Если я найду куриного бога, загадала она, если вот прямо сейчас я его найду, значит – она обшаривала самым тщательным взглядом пространство под ногами – значит... значит, мы с Лешкой в следующем году поженимся. В следующем году они уже будут на пятом курсе, и нужно будет думать, как и что делать дальше. И это «как» и «что» в Лизи-

ных планах было теснейшим образом связано с Лешкой. Она надеялась, что и он думал также. Во всяком случае, он не давал повода думать иначе. Говоря о будущем, он часто употреблял местоимение «мы» вместо «я». Хотя с другой стороны, о свадьбе речи пока не было. И предложения он ей пока не делал, ни прямым, ни косвенным образом.

– Что ты там ищешь? – оглянулся Лешка. – Камешки собираешь? – Закатив штанины, он топал по воде.

– Ага, – ответила Лиза. – Коллекционирую. Ты бы вышел, все-таки из воды. Простудишься.

– Да теплая еще вода. – Лешка наклонился и, погрузив руку в волну, достал что-то со дна. – Вот, для твоей коллекции.

Обернувшись, вложил ей в руку... куриного бога!

Лиза даже приостановилась. Нет, что ни говори, а мысль материальна. И если люди близки, они как будто настроены на одну и ту же волну и могут читать мысли друг друга. Иначе как объяснить то, что Лешка, сам того не подозревая, угадал ее желание найти такой камень и нашел его! Но рассказать ему об этом – не поверит. А о том, зачем ей понадобился этот куриный бог, ему, пожалуй, и знать незачем.

– Пошли, проверим, какой нам арбуз попался, – предложила вместо этого. В самом деле, если его где и резать, то только здесь, у воды. Можно будет после еды руки вымыть. Они повернули к машине.

Справиться с целым арбузом им оказалось не под силу. Лешка хотел оставить половинку на берегу – для прожорливых и вездесущих чаек, но Лиза указала на трех подростков, лежащих в отдалении на песке.

– Лучше мальчишек угости. Голодные, наверное.

Он кивнул и понес им остатки арбуза, а Лиза, откинувшись на сиденье, еще раз напоследок обвела взглядом пляж.

Назад доехали быстро. Даже как-то слишком быстро. Казалось, только что были у моря, и вот уже Лешка останавливает машину у крыльца старинного дома. Если бы можно было растягивать время, Лиза растянула бы этот день на месяц, пусть длился бы и длился. Ей не хотелось выбираться из этой странной с виду, раскрашенной машины, которая превратилась за поездку в их маленький совместный дом. Не хотелось расставаться с Лешкой. Но – куда деваться, вздохнула тихо, как любит повторять отец, есть такое слово – надо. Все, еще один маленький поцелуй, и она уходит.

– А хочешь, я помогу вам потолки красить? – вдруг вызвался Лешка, удерживая ее за руку. – Я кистью как художник работаю.

– Да мы их сначала отшпаклевать должны.

– Ну, шпаклевать буду, – уже не так уверенно произнес Лешка.

– Ты-то хоть знаешь, что это такое? – засмеялась Лиза.

– Что-то вроде рихтовки, как я понимаю. Выравнивание поверхности.

– Ну, в общем-то, да, – не могла не согласиться Лиза, хотя сравнение и показалось ей странным. – Но без опыта не особенно получается, даже у меня. Таська говорит, шпаклевка это искусство...

– Согласен на подсобные работы.

– Нет, – Лиза покачала головой. – Ты меня только отвлекать будешь. Представляю, что мы вместе наработаем. Лучше в поход сходи и принеси мне кизила.

– Слушай, а может ну его, этот ремонт? Вместе и пойдем, – сделал последнюю попытку Лешка. – Ну что случится, если ты после похода, в понедельник к своей Таське присоединишься? Можно же так?

– Нельзя, – Лиза, наконец, выбралась из машины. – Пока.

– Пока, – махнул рукой Лешка. Через мгновение ни машины, ни его рядом уже не было. Только легкий запах бензина напоминал о том, что они провели вместе такой чудесный день.

Наверное, иногда надо нарушать данные обещания. Все бросать и идти туда, куда зовут... идти с Лешкой в поход Но Лиза не могла этого сделать. Она посмотрела на окна дома, в которых отражалось заходящее солнце, на дверь, за которой ее ждала работа. Пришла пора возвращаться на грешную землю. Надеюсь, что рабочие уже сняли обои в большой комнате, подумала сердито. Сегодня вечером они с Таськой все подготовят, чтобы завтра приступить к отделке потолков. Ох, скорее бы все это закончить.

Но войдя в дом, она обнаружила там не рабочих, сдирающих обои, а одну лишь Таисию в рабочем комбинезоне на стремянке у самого потолка. Дышать было абсолютно нечем, настолько густым было стоявшее в комнате пылевое облако. У Лизы перехватило дыхание. Организм возмущенно требовал немедленно вернуть его на свежий воздух.

– Что ты делаешь? – сердито поинтересовалась Лиза.

– А ты, что, не видишь? – пробубнила в защитную маску Таисия и рванула на себя следующий обойный пласт.

Посыпалась штукатурка, известковая взвесь в воздухе стала еще гуще.

– Но мы же не должны этим заниматься! – возмущенная Лиза торопливо отступила к двери. От пыли и возмущения она едва могла говорить. – Речь шла о потолках!

– О потолках, – Таська стянула с себя марлевый намордник. – Только пока не содраны эти чертовы обои, ни о каких потолках и речи быть не может. Не пришли рабочие. Палыч их уже и материл при мне по телефону, и уговаривал, все бестолку. Говорят, до понедельника заняты. Короче, – быстро спустилась вниз и повернулась к Лизе, – он предложил нам самим обои ободрать. Обещал за это заплатить сразу же, завтра, и по двойному тарифу за срочность.

– Ну спасибо! Мне ни работы такой, ни денег не надо, я лучше поход пойду! – в сердцах бросила Лиза, берясь за дверную ручку.

– Ну, так иди, кто тебя за хвост держит? Еще не поздно, – набросилась Таська на стремянку, поволокла ее дальше в угол и снова полезла наверх.

Лизе стало ее жаль. И немного стыдно стало. Пока она любовалась морем и целовалась с Лешкой, Таисия полработы одна сделала. Почти весь зал в одиночку ободрала. Сердясь на себя за мягкотелость, Лиза отправилась в дальнюю комнату переодеваться. Хорошего настроения как не бывало. Этот Палыч, еще та лиса. Отлично знал, что никто не придет. Чернорабочих у него мало, и он их бросает на крупные объекты, а здесь что, всего лишь какая-то квартира, три комнаты. Знал и то, что Таська не откажется, хотя надо было. Таисия никогда не отказывается. Ей все пополам, она о здоровье не думает, за любую работу берется, лишь бы деньги платили. Она профессионал. Но Лиза-то строителем быть не собирается! Вернувшись в большую комнату, Лиза подошла к другой стене, начала отрывать обои снизу. Чтобы тут же расчихаться. Столько известковой пыли – задохнуться можно! Так и аллергию недолго заработать.

В полном молчании – попробуй, поговори в этих пыльных облаках! – ободрали все комнаты, кроме самой маленькой, дальней, той, где лежали Лизины вещи.

– Если здесь обдерем, я ночевать не останусь, – сказала Лиза. В самом деле, не хватало туберкулез заработать, дыша известкой и цементом.

– Ладно, не горит, – тут же согласилась уставшая Таська. – Позже сделаем.

После короткого отдыха, перекусив бутербродами, которые нашлись в сумке предусмотрительной Таисии, они перетащили мусор на улицу к мусорным ящикам. Потом мыли полы, застилали их газетами, чтобы потом было легче грязь послеремонтную убирать, Палыч завез несколько кип утром вместе с козлами, лестницей и инструментом. Когда закончили, было уже совсем темно. «Кажется, я переоценила свои возможности», – уныло думала Лиза, сидя

на полу у стены и не имея уже никаких сил подняться. В таком режиме ей и трех дней не протянуть. Утром занятия, а потом еще вот так колдобиться несколько часов?

– Это только сегодня так, из-за этих обоев, – переодеваясь, на ходу оправдывалась Таська. – С потолками, сама знаешь, такого напряжения не будет. Ну, я пойду? – спросила виновато, натягивая курточку.

Оказывается, Толик уже целый час ждал ее на улице, сидя в своей машине. Нет, чтобы зайти, помочь хотя бы пол вымыть или обои эти к бакам унести... Какие все-таки эгоисты, эти мужчины!

Таська ушла, а Лиза, кое-как обмывшись, улеглась и мгновенно отключилась.

Ей казалось, что она проспала всего каких-то несколько минут, когда в сознание вдруг начали ввинчиваться странные, неприятно-скребущие звуки. Лиза открыла глаза и, приподняв голову, какое-то время пыталась сообразить, где находится, и что же ее разбудило. Что может издавать такие звуки? Мыши? Не похоже. А вдруг крысы? В таком старом доме все возможно. Сердце застучало, Лиза не то, чтобы боялась, но очень не любила ни мышей, ни крыс. А кто их любит? Она села. Нашупав около себя мобильник, нажала кнопку, посмотреть, сколько на часах. Два часа ночи. Получалось, она проспала почти три часа, а казалось – мгновение. До утра далеко. Значит, надо снова уснуть, но как уснешь, когда кто-то так гадко скребется совсем рядом? Еще некоторое время она вслушивалась в непонятные звуки, пытаясь отгадать их происхождение. Звуки исходили от стены. За этой стеной квартира бабули. Ничего страшного там быть не могло. Может быть, в стене проходит какой-нибудь крысиный ход? Вполне возможно, стены здесь чуть ли не в метр толщиной. Но если это все-таки не в стене, а за стеной, в квартире бабули, то что такое, спрашивается, она там делает? Стирает? Чистит железной щеткой посуду посреди ночи? Вряд ли. Что может издавать такие звуки? Прямо дом с привидениями! Лиза уже жалела, что осталась здесь ночевать. Спала бы сейчас в общежитии в своей кровати. Там даже ночные звуки знакомы. Слабый скрежет все не прекращался. Лиза зажала пальцами уши – ну, сколько это может длиться? А вдруг бабуле стало плохо и она пытается дать знать об этом соседям, закралась мысль? Но тогда она бы скорее стучала в стену. Да и не в эту. Откуда ей знать, что в пустующей соседней квартире, где идет ремонт, кто-то ночует?

Напряженно взывая, мимо дома пронеслась машина. В окно повсюду светила полная луна, заливая комнату неприятным желтоватым светом. Обстановка прямо как в фильме ужасов. Завтра же обратно, назад в общежитие. Лиза не считала себя пугливой, но сейчас ей стало страшновато. Она снова легла и закрыла глаза. Надо попытаться уснуть. День был тяжелым, завтра с утра на занятия, надо выспаться. Иначе весь день будет на лекциях носом клевать. После бессонной ночи, какая учеба? Прошло еще минут пять и – о счастье! – скребущие звуки, наконец, прекратились. Она еще какое-то время лежала, напряженно вслушиваясь в звенящую тишину, а потом снова провалилась в глубокий сон.

9

Всю лекцию Лариса размышляла, что же ей надеть на день рождения Инны? И еще подарок надо купить, та еще головная боль. Потому что у кого-кого, а у Сабаниной наверняка уже есть все, что она хотела бы иметь. Надо будет зайти в магазин «Подарки», там полно всякой экзотики... Интересно, а кто еще приглашен? Инна сказала, будут только свои. Вряд ли под «своими» она подразумевает кого-то из однокурсников. В группе Инна со всеми в ровных отношениях, разве что Веронику слегка недолюбливает, но, ни с кем, кроме нее, Ларисы, Сабанина не дружит. Разумеется, если разговоры ни о чем в перерывах между лекциями, да совместное посещение бутиков и магазинов после занятий можно назвать дружбой. О себе и жизни своей семьи Инна никогда не рассказывала даже Ларисе. Крайне неохотно отвечала на вопросы, которые касались родителей и старшего брата. О нем Ларисе известно было лишь

то, что он женат, и живет с женой и сыном где-то рядом с ними, но отдельно. Так что приглашение прийти к Инне домой на день рождения было совсем не рядовым событием для Ларисы. Четвертый год они учатся вместе, но Инна впервые пригласила ее к себе. Впрочем, и у Ларисы она, несмотря на многочисленные приглашения, в гостях тоже никогда не бывала. Что уж говорить о всех прочих в их группе! Инна Сабанина умела держать дистанцию. Оно и понятно, семья депутата. Ничего лишнего не должно просочиться в прессу.

– «Свои», это кто? – попыталась все же уточнить Лариса, когда они на большой перемене вышли перекурить в скверик перед центральным входом. – Кто-нибудь из нашей группы будет?

– Ты, – улыбнулась Инна. – Этого мало? Ну и родственники дорогие, – добавила, поскучнев.

Ларису охватило легкое разочарование. Что за день рождения с одними взрослыми, и вообще с родней? Наперед можно сказать – тоска зеленая. Парней не будет, иначе бы Инна об этом сказала. Разве что ее женатый старший брат появится. Так для кого же, спрашивается, наряжаться? Бог мой, как хочется, наконец, иметь такой круг знакомых, куда можно было бы выйти, нормально одевшись, и не выглядеть при этом белой вороной!

– Что я могу сделать? – обреченно вздохнула Инна, усаживаясь на скамейку. – Хотела кое-кого из бывших одноклассников пригласить, отец не разрешил. Он вообще не любит, когда незнакомые люди к нам приходят.

Понятно, дом бизнесмена, как дом того поросенка из английской сказки, должен быть крепостью. С табличкой у ворот: посторонним вход воспрещен.

– А почему день рождения обязательно дома праздновать? – осторожно поинтересовалась Лариса, устраиваясь рядом. – Мы вот по праздникам в ресторан ходим. Нет, конечно, – спохватилась, – со своими можно и дома посидеть. Но что мешает потом, после этого в какой-нибудь ресторан или в кафе занырнуть? – Имелось в виду, своей тусовкой, чтобы одна молодежь.

– Ага, с охранником за спиной! – фыркнула Инна, стряхивая с сигареты пепел. – Так меня отец одну и отпустил, – она снова вздохнула, – тем более, в какой-то ресторан с какой-то компанией. Ему после того случая теперь повсюду мерещатся наркоманы.

– После какого *того* случая? – вопрос вылетел сам собой.

Не смогла Лариса сдержать любопытства.

Сабанина как будто не услышала вопроса. Курила, рассеянно глядя то на проходящих мимо студентов, то на копошившихся в опавшей листве воробьев. Лариса закусил губу, чувствуя себя неловко. Зачем только она спросила? В самом деле, какое ей дело до того, что происходит в семье Сабаниных? На то она и частная жизнь, чтобы таить в себе некоторые секреты. А уж в семье миллионера этих секретов куда больше, чем в любой другой. Миллионы из воздуха не появляются. И уж если они каким-то образом появились, нужно суметь их сохранить. Богатство делает людей осторожными и закрытыми.

– Это еще в том, в первом колледже было, – сделав еще несколько затяжек произнесла неожиданно Инна. – Зашла вечером к одному парню из нашей группы в гости, он и предложил попробовать. Ну, не мне одной, там человек десять собралось.

– И что? Кому какое дело, чем люди у себя дома занимаются? – горячо, даже как-то слишком горячо возмутилась Лариса, на этот раз безжалостно подавив острое желание тут же уточнить, *что именно* предложили попробовать Инне.

– Да там один придурок оказался, – снова не сразу, а после некоторого молчания выдала Инна новую порцию информации. – Пока мы в комнате тусовались, он разделся на кухне догола, и – в окно... с третьего этажа. Решил, что он птица, идиот. Все кости себе переломал. Ну, приехала полиция. Короче, были неприятности...

Неприятности. Наверное, крупный был скандал, если Сабаниной пришлось оставить не только колледж, но и страну. И Лариса только сейчас об этом узнает! Она с уважением посмотрела на Инну. Умеет человек секреты хранить.

– После того случая мне куда-то одной выйти – целая проблема, – подвела итог Инна. – Отец сказал, пока учебу не закончишь или замуж не выйдешь, будешь дома сидеть.

То-то она никогда нигде не бывает – ни на факультетских вечерах, ни на университетских дискотеках. Все думают, что у нее своя тусовка имеется, где она и отрывается по полной с такими же, как она отпрысками богатеньких, а там, оказывается, пустота, почти тюремный режим.

– Жестоко, – покачала головой Лариса. – И что, никак нельзя договориться?

– С ним не поспоришь, – пробормотала Инна.

– Но ведь это когда было!

– Он из принципа всегда слово держит. Говорит, что я его уже и так достаточно опозорила.

– Я бы так жить не смогла, – призналась скорее себе, чем Сабаниной, Лариса.

– Смотри, никому ни слова, – бросив на нее предостерегающий взгляд, почти приказала Инна.

– Ну что ты! – пробормотала, краснея от возмущения, Лариса. – Кому я могу рассказать?

– Ну, мало ли кому. В группе узнают, пойдут сплетни. Наплетут с три короба, наврут больше, чем было. Если такое в газеты попадет, отец меня просто убьет. Он у меня тот еще... тиран. – Инна погасила сигарету о край скамейки и, откинувшись на спинку, закрыла глаза и подставила лицо теплым солнечным лучам.

Да, Сабаниной можно только посочувствовать. Настоящая пленница – почти всегда под надзором.

Лариса тоже откинулась на спинку скамейки и взглянула на еще по-летнему синее небо, по которому плыли легкие белые облака. Плывут себе и плывут, не зная границ, не подчиняясь ничьим указаниям. Казалось бы, чем больше у тебя денег, тем ты более свободен. Делай, что нравится, лети куда хочешь. Как эти облака. Казалось бы. На самом деле, это не так. Вот у ее отца есть деньги на отдых, может себе позволить самый шикарный тур, хоть в Австралию, хоть в Бразилию, а он никогда толком не отдыхает, работает больше, чем кто-либо в их заведении. И отец Сабаниной хотя и миллионер, а тоже постоянно в делах и разъездах. Кроме того, еще и боится всего. Вот за дочь опасается. Боится, что втянут ее в какую-нибудь плохую компанию. За карьеру трясется, хотя как поведение взрослой дочери может отразиться на его карьере? Выходит, чем больше денег, тем больше обязанностей, ограничений, опасностей. Но ведь и возможностей больше! Пусть Инна и жалуется на жизнь, но никто из их группы два раза в год – как минимум – не ездит отдыхать куда-нибудь в Грецию, Турцию, на Маньорку или Майорку какую-нибудь. Загар у нее всю зиму держится. На занятиях часто отсутствует, но преподавы закрывают на это глаза. Потому что Иннин отец дал университету деньги на строительство новой крытой спортплощадки – в городской газете писали. Наверняка и поступление Инны в их университет подобным образом оплатил. Инна пришла учиться не так как все остальные. Вступительных экзаменов не сдавала, появилась в группе не в начале сентября, а уже поздней осенью. Сидела тихо, незаметно, вся из себя такая скромная, никому и в голову не приходило, что она родственница того самого Сабанина. Никто – из студентов, во всяком случае, – долго и знать не знал, чья она дочка. На вопрос любопытного Петрова, откуда она такая взялась в середине семестра, ответила коротко, перевелась из другого университета. На уточняющие вопросы, из какого, и почему, задала встречный: тебе какая разница? И так посмотрела на Андрея, что у того пропала всякая охота продолжать свое расследование. Другие вопросов не задавали. В самом деле, какая разница, откуда она взялась, из какого университета к ним перевелась и почему? Никого, кроме любопытного Петрова, это не волновало. Перевелась

и перевелась. Лишь значительно позже, уже когда они подружились, Инна рассказала Ларисе, естественно, под большим секретом, что прежде, чем оказаться в их универе, она пару месяцев поучилась в одном английском колледже, но ей там не понравилось. Здесь лучше, объяснила. Истинную же причину того, почему она там не осталась, Лариса только теперь узнала.

Внезапно в голову ей пришла одна интересная мысль.

– А что, если отпраздновать твой день рождения в ресторане? – нерешительно произнесла она. – Может быть, твой отец и не будет против. Он ведь моего отца, кажется, знает? Ну, во всяком случае, наверное, бывал в нашем ресторане.

– В вашем ресторане? – Инна приподняла брови. – Ты имеешь в виду в «Волшебном Замке»?

Лариса кивнула.

– Там есть такой маленький отдельный зал с танцполом, его обычно для небольших банкетов и свадеб заказывают, – объяснила. – Там можно создать полный интим, никто лишний просто так не войдет и глазеть на нас не будет. Ресторан, это же не дом, куда твой отец не любит посторонних звать, туда можно пригласить всех, кого захочешь, верно?

Инна посмотрела на подругу, потом перевела взгляд на кончики своих замшевых туфель. Пошевелила ими, раздумывая.

– Если зал можно поставить под охрану, тогда, возможно, отец и согласится, – произнесла, наконец, неуверенным тоном.

– Ну, разумеется, твои родители согласятся! – торопливо подхватила Лариса. – Я же говорю, в банкетный зал всего два входа ведут, из холла и из кухни. Вот пусть у этих входов-выходов и стоит твоя охрана, если без нее никак нельзя. Будет полная автономия! Там и интерьер отличный, все просто супер. Цветомузыка. А можно еще оркестр пригласить, тогда вообще будет классно. Только не старперов, а какой-нибудь настоящий, молодежный, например, «Клуб Ди-джеев»...

«Клуб Ди-джеев» всегда играл на всех крутых тусовках города. Самая дорогая поп-группа. Но это же, в конце концов, тоже не какая-то заурядная вечеринка, а день рождения дочери Сабанина!

Сначала Ларисе захотелось просто оказать услугу Инне. Особенно после того, как та открыла ей свой большой секрет, можно сказать, доверила страшную семейную тайну! Это бы их еще больше сблизило. Вполне возможно, после дня рождения в *ее*, Ларисиним ресторане, она, на правах подруги, будет, наконец, бывать в доме Инны, ну и, естественно, приглашать ее к себе. А еще поразмыслив, Лариса увидела вдруг, что, если ее предложение будет принято, в итоге получится даже не двойная, а тройная выгода. Она еще больше сдружится с Инной – это раз. Получится отличная вечеринка с дискотекой, на которой можно будет от души повеселиться, поскольку будет больше незнакомой молодежи, – это два. А в-третьих, отцовский ресторан получит какую-то прибыль. И, возможно, значительную. Впрочем, это уже будет зависеть от количества гостей.

– Я поговорю с родителями, – сказала Инна, поднимаясь.

Вот-вот должен был прозвенеть звонок. Они уже вошли в здание, когда Инна внезапно притормозила и сделала крутой вираж, не доходя до лестницы, ведущей на второй этаж.

– Давай посмотрим календарь.

Календарь? Ага, похоже, Ларисина идея пришла ей по душе.

Они подошли к стенду, на котором висели всякие объявления, расписание занятий и большой календарь в углу.

– День рождения выпадает на пятницу, – Инна снова повернулась к Ларисе. – Конец недели. Не будет занят ваш банкетный?

– Я узнаю, – с притворным равнодушием на лице кивнула Лариса, хотя внутри у нее поднялась волна радости. Инна согласилась! – А на сколько персон рассчитывать?

На пять человек банкетный зал не заказывают, а пятьдесят в него не войдет. Инна покачала головой: не знаю пока. На этот вопрос она была не готова вот так, сразу, ответить. Следовало сначала посоветоваться с отцом, как-никак, ему оплачивать этот праздник жизни. Да и уговорить его надо сначала. Впрочем, отец вряд ли будет очень уж против вечеринки в зале закрытом от посторонних глаз. Ох, как она устала от постоянной опеки! Как ей все это надоело! И, в самом деле, почему не устроить хотя бы однажды какой-нибудь большой праздник, такую себе тотальную дискотеку? И пригласить в ресторан как можно больше народу! Например, например... всю их группу, в придачу к старым друзьям детства?

– Всю группу? – вытаращила глаза Лариса. Хотя следовало лишь одобрительно кивнуть. В самом деле, что тут такого? И какая разница, дружит с Петровыми и всеми прочими Инна или нет. Чем больше народу, тем веселее. Да, если все получится, отец будет очень рад – столько клиентов!

– Почему бы и нет? – прищурилась Инна, довольная произведенным эффектом. – Не каждый день – день рождения.

Прозвенел звонок, и они побежали вверх по лестнице в аудиторию. По пути Лариса уже представляла себе всю эту тусовку, музыку, разноцветные мигающие огни и себя в новом платье на возвышении танцпола... Лариса любила танцы. Из их группы только она, да пожалуй, еще Минкова не пропускали ни одной университетской дискотеки. Жаль, проводят их не так часто, как хотелось бы. На втором курсе некоторое время Лариса встречалась с парнем из медицинского, тот водил ее на свои дискотеки, в мед. Вот у них там танцы каждую субботу, а не раз в семестр, и зал просторнее и бар отличный, и парней куда больше, чем в их университете. Но потом они с Васькой рассорились из-за какого-то пустяка, и больше на дискотеки в мед Лариса не ходила. Мама была довольна, она страшно не любила, когда Лариса уходила по вечерам и являлась в полночь. Впрочем, потом Лариса и сама стала редко куда выбираться. Потому что у нее появилась цель. Ради которой можно временно пожертвовать маленькими радостями жизни. Свою энергию она должна вкладывать в то, что принесет плоды в будущем. Возможно даже, в скором будущем... Письма Роберта полны намеков на это. Так что сейчас ей нужно учить языки, перепиской заниматься, а не по дискотекам бегать. Сколько вложишь, столько и получишь, говорит отец. Уже на входе в аудиторию, она повернулась к Инне. Был еще один вопрос, в который требовалось внести некоторую ясность.

– Слушай, – слегка замялась. – Намекни насчет подарка.

– Можешь ничего не дарить, – отмахнулась Инна. – Твой подарок – помощь в организации мероприятия, – добавила шутливо.

– Но это же день рождения, – настаивала Лариса.

Да она уважать себя не будет, если явится на праздник с пустыми руками! Она бы духи купила, но духи отпадают, потому что Инна не так давно сама подарила ей маленький флакончик «Diorissimo». Летом из Парижа всяких навезла.

– Я же не ради подарков все это устраиваю, – уже с некоторой досадой в голосе произнесла Инна. – Я эти «днирожденные» подарки вообще не люблю, нанесут черт знает чего, не знаешь потом, куда девать. Так что, сильно не озабочивайся. – Взглянув на лицо Ларисы, спохватилась. – Цветы принеси. Как там говорят? Цветы лучший подарок.

– Это о книге говорят: книга лучший подарок, – поправила машинально.

– Да, книга, и в самом деле, лучший подарок, – тут же согласилась Инна. – Купи какой-нибудь женский роман.

Может быть, идя к кому-то другому из их группы, Лариса так бы и поступила, но здесь не тот случай. Инна не читательница. Она и книги, включенные в программу, почти не читает, всегда пользуется кратким переложением. Или чьей-то помощью...

Ладно, время для раздумий еще есть. В самом деле, надо пойти в магазин подарков.

– Ты в горы в субботу идешь? – вдруг вспомнила о походе Лариса.

– Кто меня отпустит? – вскинула брови Инна.

– Я тоже не иду.

Лариса вполне могла пойти, у нее родители, хотя и имели каждый свои недостатки, все же ее свободы не стесняли. Почти не стесняли. А всякие вылазки на природу даже поощряли, потому что сами в юности каждый пригорок вокруг города с рюкзаками облазили. Такие вот были когда-то романтики. Но Ларисе их романтические качества, к счастью, не передались, она человек практичный, и в горы не пойдет. Не из-за солидарности с Инной, а потому что никогда не была поклонницей дикого отдыха. Что за радость – ночевать в палатках? Да еще в сентябре. Нет, отдыхать – так с комфортом.

Вернувшись домой, она сразу же позвонила отцу – не терпелось поделиться новостью, а кроме того, надо было срочно узнать, свободен ли будет зал в день рождения Инны. Если он уже забронирован, то нельзя ли каким-то образом его освободить? Конечно же, последнее следовало делать только в том случае, если будет получено согласие Сабанина-папы, но Лариса уже не сомневалась в том, что Инна сумеет убедить своих предков. В самом деле, ну где еще в городе такое обслуживание и такая изысканная обстановка? К тому же, никаких посторонних глаз. Нет, если устраивать день рождения вне дома, то лучше всего делать это в «Волшебном Замке».

На счастье, на тот вечер никаких свадеб или корпоративных вечеринок в банкетном зале не намечалось.

– Умница, – похвалил Ларису отец, – хоть кто-то в семье, кроме меня, проявляет интерес к семейному бизнесу.

– Папа, я же не просто так, я лицо заинтересованное, – засмеялась Лариса, – мне добавка к стипендии нужна, – мягко намекнула.

Как и следовало ожидать, после таких слов отец тут же сел на своего любимого конька.

– Что мешает тебе подрабатывать в нашем ресторане? Вот когда я был в Канаде...

Когда папа только-только открыл свой ресторан, который в те времена и рестораном не был, – так точка общепита, – его в составе группы молодых предпринимателей послали посмотреть, как ведется подобный бизнес на Западе. Поселили в семье владельца ресторанчика в небольшом городке около Ниагарского водопада. Так у этого иммигранта-итальянца, была дочь, которая каждый день после учебы в местном университете торчала в ресторане до самого закрытия, то есть, как минимум до двенадцати ночи. Вот уже много лет папа постоянно приводит Ларисе в пример эту девчонку... которая давно уже стала теткой.

– Но она же на менеджера училась!

– Может быть, и ты пойдешь все-таки на курсы по менеджменту?

– Пап, ну когда?! – Идея-фикс у него с этим менеджментом, все уши прожужжал! – У меня и так занятий выше головы!

– Я же не говорю, бросай университет! Закончить надо, раз уж поступила, диплом о высшем образовании никогда не помешает, но в бизнесе, как ты понимаешь, совсем другие правила, и их надо знать. Для кого я все это делаю? Кому оставляю?

Вот, опять. Понеслось-поехало. Раздражение поднималось всякий раз, когда он начинал эти свои разговоры о том, что ему нужно будет кому-то свой бизнес передать. Как будто он на пенсию прямо завтра уходит! Выглядит молодо, в него еще женщины влюбляются. А главное, ну почему она должна идти у отца на поводу? Нет у нее никакого интереса к работе в ресторане. И вряд ли появится даже после самых крутых курсов по менеджменту. Это вообще не женское дело – быть начальником, персоналом командовать. Особенно в сфере обслуживания. Для этого надо большой стервой быть, иначе ведь слушаться не будут, разнесут все и разворуют. А еще, чтобы ресторан хорошо работал, помимо твердой – мужской – руки, связи всякие нужны, там же проверка за проверкой. То санстанция, то пожарные, то еще кто-то... А откуда у нее эти связи? И взятки она давать не умеет.

Вероника протянула руку и выключила треньканье будильника. Потом, не открывая глаз, мужественно преодолевая желание снова зарыться носом в подушку и погрузиться в сладкий сон, спустила с кровати ноги. Поход, поход, труба зовет. Ох, не труба, а страх гнал ее в эти выходные из дому. Страх остаться одной в квартире, на улице, в городе. Стоило взглянуть на *те* окна, как внутри все сжималось, и Веронику охватывала такая тоска, что даже таблетки не спасали. Точно, так и до психушки недалеко. Необходимо было сменить обстановку, убраться хотя бы на время подальше от своего двора, и от дома напротив, который источал просто физическую угрозу.

Через пару часов она уже совсем не жалела, что не удалось поспать в это утро подольше. Здесь на лесной дороге все ее страхи, если и не исчезли окончательно, то как-то съжились и отступили. Сквозь кроны высоких деревьев празднично пробивались яркие утренние лучи. Дышалось легко, и было после города удивительно спокойно и тихо. Там шум, гул переполненных машинами улиц, а здесь птицы поют, хрустят под ногами сухие ветки и камешки, слышны разговоры и смех. Ради этого стоило подняться ни свет – ни заря, стоило влезть в спортивный костюм и кроссовки, стоило ждать целых полчаса первого троллейбуса, который и отвез ее на автостанцию, где уже переминалась с ноги на ногу группа однокурсников, в ожидании своего рейсового автобуса. К одиннадцати часам, после длинного перехода от трассы, то по дороге, то по ведущим вверх, едва заметным тропам, они, наконец, вышли к стоянке, о которой всю дорогу долдонили Клячко и Петровы. С облегчением сбросив тяжелые рюкзаки, начали осматриваться.

Место и в самом деле оказалось обалденное. Перед ними, окруженное высокими деревьями, сияло, отражая небо, маленькое лесное озеро с островком посередине. Под высокими ивами, полоскавшими свои пониклые ветки в воде, рос тёрн, на противоположном склоне виднелись усыпанные мелкими яркими ягодами кусты барбариса с багровой листвой.

– Тут неподалеку есть ручей, в озеро сбегает, – сказал Андрей. – Из него будем брать воду. Не мутить ее там и не грязнить.

В самом деле, где-то совсем неподалеку слышно было журчание бегущей воды.

– Нашел! – крикнул Антон.

Все тут же стали доставать фляжки и кружки. Надеюсь, здесь не водится никакой дряни, пробормотала Вероника, тоже наполняя свою кружку. С наслаждением сделала пару глотков. Мать пришла бы в ужас, увидев, что она пьет воду из ручья. Но не таскать же с собой по лесу бутылки с минералкой, рюкзак и так тяжелый. И пить очень хотелось. День намечался жаркий, даже здесь, в горах, к полудню вон как припекает.

– Стоянка на острове, – объявил Андрей. – Переходить осторожно и не всем сразу.

– Раньше нельзя было сказать, пока рюкзаки не сняли? – проворчала Вероника.

Островок соединялся с берегом хлипкими деревянными мостками. Там, в центре островка на утоптанной площадке было выложено камнями место для костра, возле которого лежало короткое толстое бревно. А под растущей у самой воды ивой были зарыты в землю осиновые ноги большого стола и двух длинных скамеек по бокам.

– Надо же, не поленился кто-то все это сделать, – удивилась Алина Полунец.

– Лесники постарались. Чтобы не жгли костры, где попало, – объяснил Петров. – Выше есть еще несколько таких же стоянок. Если хотите...

Закончить ему не дали, завопили недовольно. Никто не хотел топтать дальше, устали. И вообще, еще неизвестно что там за стоянки, а здесь и озеро, и ручей, сказала Боцманова. Все согласились, что лучшего места им не отыскать.

– Мусор складываем в мешки, – предупредил Лешка, вытаскивая из кармана своего рюкзака рулон черных полиэтиленовых мешков.

– Лешка, а Лиза где? – поинтересовалась вдруг Машкина.

– Работает, – коротко ответил Лешка. – Вы сильно тоже не расслабляйтесь. Сначала надо поставить палатки, а потом отдыхать.

Командир выискался, тихо фыркнула Вероника. Думает, если часто ходит в походы, значит, может ими командовать. Палатки не убегут, а солнце вполне может скрыться за облаками. Веронике хотелось первым делом освежиться. Вся спина была мокрая.

– Кто купаться? – крикнула она, поднимаясь с травы.

– Ты что? – изумилась сидевшая у стола Машкина. – Сентябрь же. Вода, наверное, ледяная. Ты палатку ставить умеешь?

Вероника с Машкиной должны были провести ночь в одной палатке. В других для нее места не оказалось.

– Мальчишки поставят, – усмехнулась Вероника. – Вон, Антон и поставит, да, Антон? – кивнула в сторону Гуменюка, который располагался рядом, и, делая вид, что ковыряется в своем рюкзаке, на самом деле прислушивался к их разговору. – А мы пока отдохнем, купаться не получится, позагораем.

– У меня и купальника нет, – отмахнулась Света.

– Зачем? – Вероника рассмеялась. – Лучший загар – это загар без купальника, верно Антон? А в это лето он, наверное, уже последний.

– Какое лето – осень давно! Вода ледяная. – Света поежилась.

– А мы потом согреемся! – произнес Гуменюк с торжеством в голосе, выуживая из своего рюкзака бутылку вина. Он всегда был на стороне Вероники. А может быть, хотел увидеть, как она войдет в воду без купальника...

– Спрячь, – распорядился, проходя мимо, Петров. – Сейчас ты и без этого согреешься. Вспотеешь даже. Возьми топорик, закончишь с палаткой, иди за дровами для костра. Да и вообще, маленький ты еще вином баловаться.

Последнее, конечно же, было шуткой, но щеки у Антона вспыхнули. Парни над ним почему-то постоянно посмеивались. Да и у девушек он популярностью не пользовался, несмотря на то, что он хорошо одевался, был добрым и отзывчивым. Наверное, от того, что родители уж слишком его опекали. После лекций то мать, то отца видели поджидающими Антона в вестибюле у входа, они заезжали за ним после занятий, как он утверждал, «по пути с работы». Да и утром, по пути – не по пути, а наверняка подвозили сына к университету. И в деканате их встречали. Что, спрашивается, там родителям делать? Но как-то, наткнувшись на невысокую полную женщину с круглым лицом безо всякого намека на косметику, которая с ласковой улыбкой говорила что-то взъерошенному, раздраженному ее приходом Антону, Вероника вдруг подумала, что будь у нее такая заботливая мать, она бы радовалась. А главное, жизнь ее сложилась бы совершенно иначе. Совсем другая была бы у нее жизнь, не было бы в ней того, о чем лучше даже не вспоминать. Впрочем, тогда бы и она сама была бы совсем другой. Даже внешне. Такой как Антон была бы, пухленькой, с маленькими ручками, с круглыми голубыми глазками. А этого ей уже совсем почему-то не хотелось. Да, во всем есть свои плюсы и минусы...

Вероника снова посмотрела на небо, по которому плыли легкие облака.

– Между прочим, по прогнозу погоды завтра дождик обещали, – сообщила Машкиной. – Местами.

Машкина тоже посмотрела на небо.

– Прогнозы в горах редко сбываются, – встряла Боцманова. – И потом, если местами, то здесь не то место.

Как бы там ни было, а упускать лучшее время для загара было глупо. Раз уж выбралась в лес, и ветра нет, и солнышко греет, все эти природные факторы нужно использовать с максимальной пользой. Вероника вытащила купальник и направилась в кусты переодеваться.

Вода оказалась холодной, но камни на берегу были теплыми. Расстелив на них полотенце, она улеглась и вскоре задремала. Проснулась от плеска воды и сумасшедших воплей. Открыв глаза, повернула голову. В озере, почти рядом с ней, фыркая, плавали Лешка и Петров, а остальные мальчишки, не решаясь последовать примеру, подбадривали их веселыми криками. Через минуту посиневшие от холодной воды «моржи» тоже стали выбираться на берег.

Тут и пришла ей в голову эта мысль. Явилась внезапно, как только она увидела прыгающего по камням Лешку. Вот какой парень ей нужен. Сильный, с крепкими руками. И студент, они учатся вместе. Все совпадало. Снова смежив веки, Вероника еще некоторое время тайно наблюдала за Лешкой. И чем больше она за ним наблюдала, тем больше убеждалась, что лучшего варианта ей не найти. Лешка. Почему бы и нет?

Она еще не знала, что будет делать, как вести себя с ним, но была почти уверена, что стоит ей захотеть, все у нее получится. Мужчины, они ведь все одинаковы. Все озабочены одним. Чем она хуже Лизы? Ничем. Кое в чем даже лучше. Если Лешка не дурак, он это поймет. Нужно только дать понять ему, что Вероника совсем не против узнать его поближе. И дать понять ему это нужно именно здесь. В лесу обстановка больше располагает к дружескому – и не только дружескому – общению. Здесь даже те, кто в универе едва замечали друг друга, держались запросто. Правда, есть в такой тесной тусовке и отрицательная сторона – трудно остаться наедине. Все друг у друга как на ладони. Палатки стоят рядом, каждый звук слышен. Лес, конечно, большой, но чтобы удалиться туда вдвоем, отойти чуть дальше от лагеря, нужно придумать достаточно убедительный повод. Еще нужно найти подходящий момент, для того, чтобы проявить свой «внезапно» вспыхнувший интерес к Лешке. Если Вероника вот так сразу к нему подвалит и скажет, я тебя люблю, он вряд ли ей поверит. Все это покажется ему подозрительным, и он в двух словах отправит ее подальше. Нужно, чтобы все выглядело естественно. Нужно найти подходящий момент и оказаться рядом как бы ненароком... Оставшуюся часть дня Вероника, чем бы ни занималась, не теряла Лешку из виду.

Если бы Лешка был свободен, никаких сомнений, Веронике хватило бы нескольких слов, может быть, даже одной многозначительной улыбки, и он был бы готов. Но он встречается с Лизой, это усложняет ситуацию. Ладно, посмотрим, как он на ее призыв отреагирует. Самое плохое, что может произойти – ну, пошлет ее подальше. Тогда она сделает вид, что это была всего лишь шутка с ее стороны. Такое вот случилось между ними недоразумение. Но, скорее всего, он, как и многие другие, не захочет, оказавшись с ней наедине, упустить возможность прикоснуться к ее прелестям.

После того, как поставили палатки, все разбрелись по кустам. Кто-то в поисках грибов, кто-то пошел искать орехи. Петров сказал, выше по ручью есть заросли лещины. Но Лешка с Антоном – такие сознательные – никуда не пошли, рубили и носили сухие ветки для костра.

Подходящий момент появился лишь ближе к вечеру. Девушки остались у костра, кипятили воду и соображали ужин из разложенных на столе продуктов, а парни все таскали и таскали хворост, ломали сухостой. Кому-то пришла в голову мысль провести у костра всю ночь, нужен был запас дров.

– Огонь, вино и песни под гитару, – усмехнулась Вероника. – Ненормальные.

– Почему? удивилась Света. – По-моему, здорово. Не каждый день на природу такой оравой выбираемся.

– А завтра, что, целый день отсыпаться?

Машкина начала было возражать, но Вероника ее уже не слушала. На другом берегу под ивами

она увидела вдруг сине-белую футболку Лешки. Выждав с минуту, Вероника осторожно поднялась и, перейдя мостик, отправилась в ту же сторону. Только бы не забрел слишком далеко. И только бы был без этого клоуна Петрова, который всегда и повсюду рядом. На ее счастье, Лешка шел один, помахивая маленьким топориком.

– Смотри, – крикнула Вероника, указывая на противоположный берег озера. – Видишь, там целое дерево лежит?

– Где? – обернулся Лешка, вглядываясь в заросли.

– Да, вон оно, – снова вытянула Вероника руку, а потом заторопилась вперед по едва заметной тропе, бегущей вдоль озера.

На самом деле, несмотря на всю свою зоркоглазость, она никакого дерева на той стороне не увидела. Но почти уверена была, что оно где-нибудь да найдется. Лес большой. Главное, что они идут за этим деревом вдвоем, и он не сказал ей: оставайся, а послушно отправился следом в указанную сторону. Он ей поверил, хороший знак. Ей вообще везло. Поваленное ветром сухое дерево тоже нашлось. Как раз такое, какое нужно, не очень толстое, но очень длинное, и Лешка начал его тут же обрабатывать, укоротил, обрубил кое-где ветки, чтобы не цеплялись за кусты и деревья, когда он потащит его к стоянке. Солнце садилось, назад шли в сумерках. Наверное, поэтому никто и не заметил, что они вернулись вместе. Вот и хорошо. Лешка волочил ствол, а она тянула следом две крупные ветки. Добытчика встретили одобрительными криками. Много дров принес. Это вам не хворост какой-нибудь, который сгорает мгновенно...

За ужином они снова оказалась рядом. Само собой получилось. У костра было тесно, и плечи их почти соприкасались.

– Будешь бутерброд с колбасой? – спросила Вероника.

Лешка кивнул, взял у нее из рук бутерброд с бужениной и впился в него крепкими белыми зубами.

– Жаль за грибами сегодня не успел сходить, – сказал вдруг. – Сейчас бы пожарили.

– Я в детстве жила в деревне, у бабушки, – откликнулась Вероника, радуясь тому, что внезапно нашлась тема для разговора. – За грибами с ней ходили. Потом бабушка их мариновала. И ягоды собирали. Она варенье из ежевики варила, и из малины лесной...

Все это было чистой правдой. Собирала она и ягоды и грибы, даже помогала их чистить. Вспомнилось вдруг и многое другое, связанное с ее жизнью у бабушки. Занавеси из огуречных плетей, привязанных веревочками к нижним веткам старой яблони, и убежавшими дальше вверх по дереву уже самостоятельно, отчего среди листвы рядом с яблоками то там, то здесь можно было видеть крепкие зеленые огурчики. Росли в огороде высокие, выше Вероники, помидорные кусты, где ранним летом она каждое утро высматривала первые поспевшие помидоры. Еще любила бегать в конец огорода в заросли красной и белой смородины, ела ягоды до оскомины. Эти заросли отделяли огород от поля, за которым начинался лес. Вероника вспомнила, как кормила бубликами белок на опушке, как однажды нашла в кустах ёжа и долго уговаривала бабушку взять его с собой. Но та не согласилась. Сказала, подумай, как он будет чувствовать себя вдали от дома? С тоски ж помрет. Ежик тогда так и остался в лесу. А вот она, как унесенный из родных мест зверек, долго тосковала в городе по привольной сельской жизни. Но об этом Лешке не расскажешь. Никому не расскажешь. Не поймут. Подумают, на жалость напрашиваешься. А ей ничья жалость не нужна. К тому же, словами и не передашь того, что чувствуешь. Есть люди, с которыми ты как будто на одной волне, они тебя и без слов понимают. А есть чужие, в общении с ними и долгие разъяснения не помогут. Из какой категории Лешка, она еще не разобралась. Несмотря на то, что учились вместе, они почти не общались. Рядом с Лешкой всегда присутствовала Лиза, торчала как страж, охраняющий свою территорию. Да и Лешка раньше никогда не интересовал Веронику. И вот теперь, когда он ей понадобился, она не знала, о чем с ним говорить. А говорить нужно было, нужно было ловить момент, пока

они сидели вот так, рядом. Но в ремонте машин, единственное, что наверняка бы его заинтересовало, она ничего не смыслила...

Внезапно чья-то рука протянула ей через плечо пластмассовый стаканчик. Вероника оглянулась, – позади с бутылкой в руке стоял Антон. Вино было кстати. Как нельзя более кстати. Лешка ей не то чтобы совсем не нравился, просто она не чувствовала к нему никакого влечения, и надо было соответствующим образом настроиться, чтобы все шло естественно. Хотя что-то, а притворяться она умела. Время, проведенное со Штырем, научило ее осторожности, научило улыбаться, когда хочется плакать, и подлаживаться под настроение другого. Изображать заинтересованность, страсть, даже оргазм тогда, когда его и в помине не было.

Она кивнула Антону в знак благодарности, и, передав стаканчик с вином Лешке, протянула Антону свою кружку. Стаканчик для нее, чтобы по-настоящему взбодриться, был маловат. Кружка – в самый раз.

– Лей-лей, – кивнула, когда Антон, налив немного, замер в нерешительности, хватит или еще?

Вино и в самом деле, подействовало. Вино – именно то, что ей нужно было в настоящий момент. Сделав несколько глотков, Вероника расслабленно вздохнула. Да, хорошо, что она все-таки пересилила свою лень, пошла, не осталась дома. Сидела бы сейчас одна-одинешенька в своей комнате, умирая от тоски. «Лучшее средство от депрессии – смена обстановки», – говорит Лёня. А Лёня всегда прав. Интересно, как он там? Выходные, если на них не выпадает дежурства в больнице, он всегда проводит в семье, и в эти дни ему лучше не звонить. Как-то она позвонила – так он даже говорить с ней не стал, сразу отключился. А потом при встрече прозрачно намекнул, что нельзя выходить за рамки приличий. Хотя сам ведет себя не очень-то прилично. И по отношению в своей жене, трахая Веронику – и ее ли одну? – в свое рабочее время, и по отношению к Веронике, используя ее как игрушку для удовольствия... Но, удивительное дело, при всем этом он очень хороший. Хороший врач. Хороший любовник. По выходным – примерный семьянин. По выходным они с женой обычно в гости ходят. То к друзьям – все их друзья, естественно, врачи, – то к ее или к его родителям. Такие, вот, образцово-показательные дети, никогда не забывающие своих папочек и мамочек.

В костер подбросили дров, и он разгорелся ярче, делая нависающую над поляной ночь еще темнее. Те, кто сидел слишком близко к огню, начали потихоньку отодвигаться и пересаживаться, но никто не уходил спать. Действительно, здорово вот так сидеть у огня. Было здорово, пока Петров не начал читать свои стихи. Он всегда их читает, при всяком удобном случае. Медом не корми, дай повыпендриваться. Потом стали подключаться и другие. Машкина стихов не пишет, но память у нее – можно только позавидовать. Читает Пастернака. Вероника тоже могла бы кое-что прочесть, и не только из школьной программы, но она не любит выступать на публике. Есть в этом что-то неестественное, ненормальное – так ей, во всяком случае, кажется. В самом деле, что ли, всю ночь будут сидеть у костра, демонстрируя друг другу, какие они умные? Вероника, взяв в палатке куртку, села на камень под деревом. Привалившись к стволу, смотрела издали на сполохи огня, на взлетающие к темному небу искры, на мельтешение у костра, слушала смех, разговоры, не вникая в их смысл, и время от времени искала взглядом высокую фигуру. Потом глаза у нее начали закрываться, захотелось спать. И она решила было, что, пожалуй, стоит уже и прилечь, как вдруг резкие громкие звуки разорвали лесную тишину. Кто-то включил магнитофон, и над поляной понесся долбающий ритм танцевального хита.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.